

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
ИТТСПИ**

2025 №3

УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ
НТГСПИ

SCIENTIFIC
NOTES
OF NTSSPI

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НТГСПИ

Серия: История и филология

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Нижнетагильского государственного
социально-педагогического института

ISSN: 2949-4982

2025

№ 3

SCIENTIFIC NOTES OF NTSSPI

Series: History & Philology

JOURNAL

published by
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (NTSSPI)

ISSN: 2949-4982

2025

NUMBER THREE

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Члены редколлегии

Аникина Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и русской филологии НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета.

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

Ларионова Марина Бариевна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Уральского государственного педагогического университета.

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НТГСПИ (ф) УрГПУ.

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета.

Editor-in-Chief

Chudakova N. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Editorial Board

Anikina T. V., Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Russian Philology at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Budaev E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Chudinov A. P., Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at Ural State Pedagogical University.

Dzyuba E. V., Doctor of Philological Sciences, Professor of Institute of Humanities at Saint-Petersburg State Polytechnic University.

Golubkova E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Lexicology at Moscow State Linguistic University.

Kirillov V. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Socio-Economic Sciences at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Kushneruk S. L., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language at Chelyabinsk State University.

Larionova M. B., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Document Studies, History and Legal Enforcement at Ural State Pedagogical University.

Neklyudov E. G., Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher of Institute of History and Archaeology at Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

Olkhovikov K. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Popova T. G., Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Language Department at The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Porshneva O. S., Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Theory and History of International Relations at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Serikov Yu. B., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) of Ural State Pedagogical University.

Solopova O. A., Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Linguistics and Translation at South Ural State University (National Research University).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Макарова П. А.

Эволюция религиозных взглядов
Ф. М. Достоевского..... 8

Мезенцев В. Ф., Балан Д. А.

Формы противодействия крестьян
мероприятиям Советского государства
в отношении деревни накануне коллективизации..... 25

ФИЛОЛОГИЯ

Багаутдинова В. Р.

Медицинские метафоры как средство формирования
образа Д. Трампа в англоязычных СМИ..... 42

Еловикова С. А., Авдеева Г. А.

Ключевые образы в текстах
группы «Бонд с кнопкой»..... 56

Шиндяпина Я. С., Фомина Ю. А.

Языковая репрезентация оценки
в интернет-рецензиях на фильм «Гоголь. Начало»..... 69

Pologova K. V.

Migrants in the metaphorical mirror
of German and Russian media discourse..... 82

Информация для авторов 95

CONTENTS

HISTORY

Makarova P. A. The Evolution of F. M. Dostoevsky’s Religious Views.....	8
Mezentsev V. F., Balan D. A. Soviet state's measures in the village on the eve of collectivization.....	25

PHILOLOGY

Bagautdinova V. R. Medical metaphors as a means of shaping Donald Trump’s image in the English-language media.....	42
Yelovikova S. A., Avdeyeva G. A. Key images in the lyrics of the band “Bond s knopkoy”.....	56
Shindyapina Ya. S., Fomina Yu. A. Linguistic representation of the assessment in the online reviews of the film "Gogol. The beginning".....	69
Pologova K. V. Migrants in the metaphorical mirror of German and Russian media discourse.....	82
Submission Guidelines.....	95

ИСТОРИЯ

УДК 930.85
УДК 008(470)"18":2

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

П. А. Макарова

Нижегородский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Нижний Тагил, Россия
polinamakarova20051019@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа ключевых событий жизни и творчества писателя рассматривается трансформация религиозных взглядов Федора Михайловича Достоевского. Выявляется влияние жизненных испытаний, таких как арест, каторга и ссылка в Сибири, на формирование его религиозных убеждений. На основе комплекса личных документов Достоевского, а также его произведений и иных источников прослеживается становление и развитие взглядов Федора Михайловича на религию: переход от скептицизма к глубокой вере в Бога. Делается вывод о том, что в развитии религиозных взглядов Достоевского можно выделить четыре этапа – от индифферентного и скептического отношения к религии к твердой религиозной убежденности.

Ключевые слова: Достоевский, религия, христианство, православие, атеизм.

1. Введение

Ф. М. Достоевский — один из величайших русских писателей и мыслителей XIX в. Период его жизни совпал с этапом активного развития философской и религиозной мысли в России. Понимание и биографии писателя, и его творчества невозможно без понимания становления его религиозных взглядов.

Изучением религиозных взглядов Достоевского занимались многие исследователи. Уже в 1883 г. выходит работа В. С. Соловьева «Три речи в память Достоевского», где автор отмечает, что религиозные взгляды Федора Михайловича были «выстраданы им в тяжелой и долгой борьбе» [Соловьев, [https](#)]. В 1914 г. Н. Я. Абрамович в работе «Христос Достоевского» выделяет два этапа эволюции религиозных взглядов Достоевского: первый этап, основанный на интуитивном восприятии религии, и второй этап, начало которого последовало за пребыванием Федора Михайловича на каторге, сутью которого становится осознание понимания христианства [Абрамович, 1914]. К. Мочульский, анализируя религиозные взгляды Ф. М. Достоевского, прослеживает его трансформацию от веры, имевшей

лишь эстетический характер, к глубокому осмыслению веры в Бога [Мочульский, 1947]. Н. Лосский, представляя эволюцию религиозных взглядов писателя, также разделяет ее на два периода. По его мнению, переходным моментом становится «перерождение» Достоевского, при этом он не указывает точной даты этого события, но связывает это с его пребыванием на каторге [Лосский, 1953]. В конце XX в. М. М. Дунаев, обращаясь к эволюции взглядов Достоевского, выделяет уже не два, а три этапа. Автор обозначает первый период – создание ранних повестей, в которых мало внимания уделяется религии, второй период — пребывание Достоевского на каторге и изменение его религиозных взглядов и третий период — окончательное оформление религиозных взглядов Федора Михайловича Достоевского [Дунаев, 1997]. Зарубежные исследователи также обращались к теме эволюции религиозных взглядов Достоевского. Дж. Таунсенд разделяет концепции о двухэтапном процессе эволюции религиозных взглядов писателя. Автор утверждает, что данная тема очень сложна и не обозначает границу между двумя этими периодами [Таунсенд, 1997]. М. Джонс рассматривает формирование религиозных взглядов Достоевского, начиная с раннего детства писателя. Четкой периодизации эволюции религиозных взглядов Достоевского в работах Джонса также не представлено [Джонс, 1998]. Можно сделать вывод о том, что большинство авторов обозначают ссылку Достоевского как начало нового этапа в развитии религиозных взглядов писателя и таким образом выделяют два периода эволюции религиозных представлений Федора Михайловича. Как представляется, такая картина эволюции мировоззрения Достоевского упрощает сложную картину развития личности писателя и его взглядов на религию.

Для того чтобы отразить эволюцию религиозного мировоззрения писателя, целесообразно выделить два вопроса, ответы на которые Достоевским помогут нам понять отношение писателя к религии на разных этапах эволюции его взглядов:

1. Необходима ли человеку вера в Бога?
2. Связана ли вера в Бога с подчинением религиозным институтам?

2. Материал и методика исследования

Основной источниковой базой для исследования стали опубликованные документы, включающие тексты Достоевского, такие как романы «Братья Карамазовы», «Идиот», «Бедные люди», повести «Двойник», «Хозяйка», а также «Дневник писателя» (автобиографические записки о личных переживаниях) и письма Достоевского, воспоминания современников писателя, другие источники.

На основе анализ доступных исторических источников по теме были выделены ключевые моменты отношения и понимания Ф. М. Достоевским вопросов религии, что позволило выделить в процесс эволюции религиозных взглядов четыре стадии и охарактеризовать каждую из них.

3. Анализ

С самого детства будущий писатель был близко знаком с православными традициями и обрядами. Одно из первых воспоминаний Достоевского о своем детстве – чтение молитвы при гостях в возрасте около трех лет [Миллер, Страхов, 1883, с. 5]. В раннем возрасте на мальчика производили сильное впечатление церковная архитектура, воспоминание о торжественном убранстве московских соборов оставалось значимым уже для взрослого автора [Достоевский, 1980, с. 134]. Родители Федора Михайловича были очень религиозными людьми, они приучали мальчика к посещению церкви каждое воскресенье [Миллер, Страхов, 1883, с. 12].

Первое произведение автора «Бедные люди» включает несколько упоминаний Бога в письмах героев. Например, отрывок из письма Варвары: «Я вечно буду за вас бога молить, и если моя молитва доходна к богу и небо внемлет ей, то вы будете счастливы» [Достоевский, 1972а, с. 21]. Отношение к религии передается словами одного из персонажей, это лишь его характеристика, сам же автор как бы отстраняется от выражения собственного отношения к Богу, что может говорить об отсутствии интереса писателя к этой теме. Стоит отметить, что в прижизненных изданиях текстов Ф. М. Достоевского слово «Бог» пишется с заглавной буквы, в настоящей работе при цитировании используется Полное собрание сочинений в 30 томах, подготовленное Пушкинским Домом Академии наук в советское время. В этом издании написание слова «Бог» изменено на «бог», что связано с антирелигиозной политикой СССР.

В повести «Двойник» религиозные мотивы занимают значительное место. В финальной сцене Федор Михайлович дает собственную трактовку истории из Евангелия – поцелуя Иуды. Голядкин-младший целует Голядкина-старшего, после чего тот уходит к его лечащим врачом [Достоевский, 1972b]. Эта сцена в сочетании с характеристикой персонажей создает параллель с евангельским сюжетом. Старший Голядкин представлен честным, добрым, но отверженным обществом человеком. Эти качества могут отсылать нас к образу Иисуса Христа. Младший же, наоборот, является лживым и распутным человеком. Его образ можно сопоставить с образом Иуды. Несмотря на отрицательные качества Голядкина-младшего, он пользуется любовью и доверием людей. Следовательно, народ по своей воле отвернулся от Христа и поддался влиянию его антипода. Отказ людей от Христа в этом произведении – важный показатель интереса к религиозной теме со стороны писателя, но четкой оценки данной ситуации, свидетельствующей об отношении Достоевского к христианской религии, мы здесь не находим. Можем лишь предположить, что созданный автором отрицательный образ Голядкина-младшего является отражением активного интереса автора к Евангелию.

Таким образом, на первом этапе эволюции религиозных взглядов Достоевский пытается создать собственную картину мира, включающую и религиозные сюжеты. Он не спорит с Богом и не ставит вопроса о том, насколько существующая церковь и вера в Бога соотносятся друг с другом. Под влиянием воспитания в православной семье Ф. М. Достоевский лишь пытается найти вдохновение в религиозных текстах.

2. Второй этап эволюции религиозных взглядов Достоевского связан с его участием в кружке петрашевцев в 1846–1849 гг.

Ф. М. Достоевский познакомился с М. В. Буташевичем-Петрашевским весной 1846 г., но активным участником кружка он стал в марте – апреле следующего 1847 г. На собраниях кружка поднимались вопросы о религии и атеизме. Достоевский в позднейших показаниях подтверждал, что подобные разговоры велись на некоторых «пятницах», но он не присутствовал в эти дни [Достоевский, 1994, с. 239]. Петрашевские «Пятницы» были тем редким местом николаевской России, где относительно свободно провозглашались атеистические идеи [Петрашевцы об атеизме ... , 1986, с. 4].

Одно из главных обвинений по делу петрашевцев в отношении Федора Михайловича было чтение им отрывка из «Переписки Белинского с Гоголем», затрагивающего религиозные вопросы. Белинский писал, что России «нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства», он противопоставлял учение церкви здравому смыслу и справедливости. Далее он утверждал, что ни православная, ни католическая церковь не является наследницей Христа, она является лишь «иерархией, стало быть, поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми» [Белинский, 1956, с. 213]. Русский народ назывался им глубоко атеистическим, но полным суеверия [Белинский, 1956, с. 215]. Безусловно, такие идеи не могли быть пропущены цензурой Российской империи того времени и чтение такого произведения не могло не считаться преступным. И, конечно, такие идеи не могли бы быть поддержаны искренно верующим православным человеком, которым мог быть назван Достоевский, по его собственным показаниям. Вот как об этом он сам говорит в воспоминаниях о допросах по делу петрашевцев:

«1) Как ваше имя, отчество и прозвание, сколько вам от роду лет, какого вероисповедания, и исполняли ли в надлежащее время предписанные религиею обряды?

– Федор Михайлов Достоевский, двадцати семи лет от роду, вероисповедания православного, греко-российского. Обряды, предписанные религиею, исполнял в надлежащее время» [Достоевский, 1994, с. 235].

Писатель также указывает, что идеи, высказанные Белинским, не были близко им поддержаны. «Тот, кто донес на меня, может ли сказать,

к которому из переписывавшихся лиц я был пристрастнее?» [Достоевский, 1994, с. 226], – утверждает Федор Михайлович на допросе.

Нельзя сделать однозначный вывод о религиозных убеждениях Достоевского этого времени: с одной стороны, он публично читает письмо Белинского, где подрывается авторитет официального православия, но, с другой стороны, Федор Михайлович сам указывает, что не разделяет идеи прочитанного сочинения. Следует, конечно, учитывать обстоятельства допроса, при которых писатель вынужден был отрицать свою принадлежность к данным идеям, от чего зависела его собственная жизнь, и, как следствие, возможность искажения его собственных мыслей ради спасения. Можно допускать, что взгляды Белинского на религию могли оказать существенное влияние на отношение Федора Михайловича к христианству в этот период его жизни. Достоевский в своих воспоминаниях пишет, что при первом знакомстве Белинский тотчас же бросился с самой простодушной торопливостью обращать его в свою веру. «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма», — пишет автор [Достоевский, 1980].

В 1847 г. выходит новое произведение Достоевского – «Хозяйка». Оно дает представление об отношении автора к сектантству и его влиянии на личность человека. Катерина, один из персонажей повести, попав под влияние Мурина, который был раскольник, полностью сломала свою жизнь. Девушка не могла выйти из-под влияния Мурина, хотя понимала, что этот человек приносит ей только несчастье [Достоевский, 1972d]. Старый мужчина буквально приковывает к себе Катерину **«мистическим террором»** [Мочульский, 1947, с. 67]. Таким образом, здесь поднимается тема того, каким образом порочные религиозные взгляды могут разрушать человеческую жизнь.

Второй этап эволюции религиозной мысли Достоевского характеризуется серьезным влиянием атеистических настроений окружения на взгляды писателя. Детская вера писателя, носящая эмоциональный характер, заложенная на раннем этапе его жизни, сталкивается со стремлением интеллектуально обосновать свое отношение к миру. Представления писателя о христианстве носят скорее эстетический характер, а не основаны на глубокой убежденности [Мочульский, 1947, с. 100]. Именно поэтому писатель не стал яро отстаивать веру в Бога на «пятницах» или же в разговорах с Белинским. Также на данном этапе складывается отрицательное представление автора о сектантстве, которое сохранится у него до конца жизни.

В связи с тем как формировались взгляды Достоевского на религию, нельзя не обратиться к его отношению к петровским реформам на данном этапе. В 1847 г. Достоевский выпускает работу «Петербургская летопись», где положительно отзывается о реформах царя Петра и видит в них основу для развития государства. «Уже все почувствовали на себе силу и благо

направления Петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его», – пишет Федор Михайлович. Он также утверждает, что именно эти реформы дали толчок к развитию промышленности, торговли, науки, литературы, образования. Но главной здесь является мысль, которая полностью противоречит будущим взглядам Достоевского: «И кто же, скажите, обвинит тот народ, который невольно забыл в некоторых отношениях свою старину и почитает и уважает одно современное» [Достоевский, 1978b, с. 26]. Отношение народа к петровским реформам на данном этапе эволюции взглядов мыслитель не связывает с религиозностью общества.

3. Третий этап – от ареста до конца заключения и завершения ссылки. 1849–1854–1859.

Ф. М. Достоевский был приговорен к смертной казни, которую заменили каторгой. На пересыльном дворе, во время пути писателя до острога, петрашевцев посетили жены декабристов. Они подарили Достоевскому Новый Завет, чтение которого станет одним из факторов изменения представления Федора Михайловича о религии. Помимо Нового Завета, Достоевский в омском остроге знакомился с богословской литературой, помогавшей лучше понять евангельские события.

В формировании новых религиозных взглядов писателя большую роль играла Наталья Дмитриевна Фонвизина, жена декабриста М. А. Фонвизина. Она часто посещала Достоевского в Тобольске и вела с ним беседы на тему очищения страданием [Громыко, 1985, с. 80]. После перевода Достоевского в Омск общение между ними продолжилось посредством переписки. Таким образом, Федор Михайлович стал получать религиозную литературу и знакомиться с ней [Громыко, 1985, с.81]. Под влиянием нового окружения и переосмысления своих взглядов писатель начинает противопоставлять атеистическому рационализму Белинского христианский гуманизм [Мочульский, 1947, с. 126]. Достоевский обращается к вере в Бога, религия для него приобретает уже осмысленный, а не эстетический характер.

Итогом данного этапа становления религиозной мысли можно назвать следующие выводы Федора Михайловича, сформулированные им в письме Н. Д. Фонвизиной по выходе из острога:

1. Признание в том, что жажда верить была у него всегда, но под влиянием общества он старался заглушить в себе религиозные чувства: «Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» [Достоевский, 1985, с. 176].

2. Формирование собственного символа веры. Достоевский пишет, что он верит, «что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее,

мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но ...и не может быть» [Достоевский, 1985, с. 176].

15 февраля 1854 г. писатель вышел из Омской каторжной тюрьмы, был зачислен рядовым в седьмой линейный батальон в Семипалатинске. Федор Михайлович полностью меняет свое представление о религии, на первый план вместо эстетического наслаждения выходят философские размышления автора о Боге. Но при этом он, принимая христианство, не принимает существующую церковь. Церковь для Достоевского на этом этапе отделяется от веры в Бога. Вера в Бога может существовать без исполнения всех предписаний церкви [Мочульский, 1947, с. 129].

В январе 1858 г. писатель просил разрешения вернуться в центральную Россию. Позволение пришло лишь в марте 1859 г. Достоевскому не было позволено жить в столицах, и он отправился в Тверь. Можно сделать вывод, что именно каторга, на чем сходятся все исследователи жизни и творчества Достоевского, стала поворотным моментом в развитии его религиозных взглядов. Федор Михайлович спустился в ад, потрясения, перенесенные там, заставили его изменить картину мира, переосмыслить предыдущую жизнь. «Когда мы растворили дверь в баню, я думал, что мы вошли в ад» [Достоевский, 1972с, с. 98], – вспоминает автор в «Записках из мертвого дома». Последствия третьего этапа развития мыслителя – признание в себе веры в Бога, продолжение формирования собственного отношения к религии. Также на данном этапе происходит общение с верующими людьми в остроге, знакомство с народной этикой, связанной для писателя с православием. Народное православие утверждало, что жить с Богом – значит жить по совести, а не по повелению властей [Звоников, 1994, с. 188].

В декабре 1859 г. Достоевский получает разрешение и возвращается в столицу.

4. Четвертый этап – 1860-е – конец жизни Достоевского (1881 г.).

С 1860-х гг. наступает особый этап в эволюции религиозных взглядов Ф. М. Достоевского – время господства идей почвенничества. Основные идеи данного направления можно увидеть в двух журналах, издаваемых под редакцией братьев Достоевских, – «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865).

В 1861 г. в журнале «Время» выходит статья «Книжность и грамотность». В данной работе отражена важная идея: место России в мире и отношение русского народа к Европе. Ф. М. Достоевский выражает свое отношение к Европе на момент написания статьи следующим образом: русский человек «не знает, поклониться ли им или смеяться над ними» [Достоевский, 1961, с. 42]. Сама же Россия, по его мнению, начала набирать силу, она «...еще молода и только собирается жить, но это вовсе не вина» [Достоевский, 1961, с.49]. На фоне этих представлений меняется и его мнение относительно петровских реформ. «В деле Петра было много

истины. ... Форма же в которую она преобразовала Россию была ошибочной», пишет Достоевский [Достоевский, 1961, с. 49]. Федор Михайлович выделяет положительные стороны реформ Петра, но жалуется об ущербе, нанесенном самобытности русского народа.

В «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год» четко выражается позиция автора: реформа Петра Великого слишком дорого стоила России: она разъединила высший слой людей с народом. По словам автора, с самого начала народ от реформы отказался. «Формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не впору» [Достоевский, 1978а, с. 36]. На фоне данной темы рассматривается отношение народа к религии. Спасаясь от ненавистных изменений, народ «вдумывался в себя и в свое положение, пробовал создать себе воззрение, свою философию, распался на таинственные уродливые секты, искал для своей жизни новых исходов, новых форм. ...А между тем его называли хранителем старых допетровских форм, тупого старообрядства» [Достоевский, 1978а, с. 36]. Мы видим, что религия выступает в этом случае спасителем народа, формой ограждения от ненавистных реформ.

Для Достоевского русская модель христианства была в первую очередь «народным христианством» и лишь во вторую – официальной церковью, и особую роль в этих взглядах занимали староверы, упорно хранившие свой символ веры, несмотря на жестокие преследования [Баршт, 2017, с. 37–38]. Народ может выступать регулятором церковных действий, самостоятельно, принимая решения, оценивая верность ее поступков. В случае православного церковного раскола часть народа считала, что государство принимает неверное решение, реформируя церковные обряды. Старообрядцы не подчинились указам власти, так как считали свои убеждения богоугодными, следовательно, они готовы были пойти против Царя, пожертвовать своей жизнью во имя Христа. Автор утверждает, что русский народ плохо знает Евангелие, но зато носит веру во Христа в своем сердце [Достоевский, 1980, с. 38].

Ф. М. Достоевский сам непосредственно взаимодействовал со старообрядцами. Его опыт был отражен в произведении «Записки из мертвого дома». В данном произведении описан образ старика-старовера: «Он так не похож был на других арестантов: что-то до того спокойное и тихое было в его взгляде», редко можно встретить такое доброе, благодушное существо. Он с твердостью пошел в ссылку, потому что в ослеплении своем считал ее “мукою за веру”». Про других старообрядцев автор пишет, что «это был сильно развитой народ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды и по-своему сильные диалектики; народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени» [Достоевский, 1972с, с. 33–34]. Итак, мы видим два разных образа староверов – положительный и отрицательный, что показывает нам двойственность отношения автора к

ним. Мученичество старообрядцев возвышает их в глазах автора, он не относится к ним с чрезмерной критикой, а пытается частично оправдать их поступки искренностью их веры. По словам Достоевского, «ни славянофилы, ни западники не могут как должно оценить» раскол РПЦ. «По их теории действительно не выходит, чтоб в расколе было что-нибудь хорошее». Оба эти направления не увидели в появлении старообрядцев «страстного стремления к истине, глубокого недовольства действительностью». Сам же автор видит в этом «самое крупное явление в русской жизни и самый лучший залог надежды на лучшее будущее в русской жизни» [Достоевский, 1993, с. 238].

В позиции Достоевского по отношению к народной религии можно проследить влияние на него западных философских идей. В частности, влияние идей Гегеля. Федор Михайлович был знаком с творчеством немецкого философа, имел возможность осмыслить его идеи. В 1790-х гг. Г. Гегель пишет работу «Народная религия и христианство», где представляет два понятия – субъективная и объективная религия. Объективная религия является продуктом производства религиозного института – церкви, субъективная же религия отражает собственное понимание отдельного человека веры в Бога. Стоит отметить, что субъективная религия, по мнению Гегеля, является более привлекательной, так как она активная, способная модифицироваться и подстраиваться под нужды общества [Гегель, 1907]. Понятие субъективной религии схоже с понятием народной религии у Достоевского. Писатель также ставит субъективную религию на первое место, но в отличие от Г. Гегеля не умаляет значение официальной церкви.

Для обозначения сект на данном этапе творчества Достоевский использует не самую лестную характеристику – уродливые секты. Следовательно, взгляды автора на сектантство не изменились с 1840-х гг. В отличие от староверов, сектанты полностью теряют свою волю и попадают под влияние нехристианских идей. Подтверждение данному тезису можем найти в описании образа Смердякова, который, по задумке автора, является представителем секты. После возвращения из Москвы Смердяков «как-то необычайно постарел, совсем даже несоразмерно с возрастом сморщился, пожелтел, стал походить на скопца» [Достоевский, 1976, с. 115]. Накопивший с детства отрицательные впечатления и эмоции, соединились с его недоброй натурой, Смердяков обратился в секту и стал скопцом [Боград, 2007]. Смердяков является примером полного разложения души человека, он готов отречься от Христа при первой же опасности. «Раз я попал к мучителям рода христианского в плен и требуют они от меня имя божие проклясть и от святого крещения своего отказаться, то я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут и греха не будет», – рассуждает Смердяков [Достоевский, 1976, с. 118].

Католицизм в понимании Федора Михайловича также является губительным для народа явлением. Вспомним монолог князя Мышкина, персо-

нажа произведения «Идиот». «Католичество римское даже хуже самого атеизма, – говорит он. – Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует... римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть ... там уже страшные массы самого народа начинают не верить, – прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к церкви и ко христианству!» [Достоевский, 1973а, с. 450–451]. Обвинение католицизма встречается и в финальном романе Ф. М. Достоевского – «Братья Карамазовы». Глава «Великий Инквизитор» повествует нам историю сошествия Христа. Инквизитор, встретив Христа после ареста, говорит ему, что народ не нуждается в нем, и отправляет заключенного на казнь со словами: «Все, дескать, передано тобою папе и все, стало быть, теперь у папы, а ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени по крайней мере». Христианская вера в данной главе представляется в качестве источника свободы для людей, но бремя свободы очень тяжело нести людям, поэтому они готовы отказаться от Божественного дара. Католическая церковь освобождает людей от свободы, отдаляя их от истинной веры [Достоевский, 1976, с. 224–240]. Подтверждение своим идеям автор мог найти в реальной жизни еще задолго до написания данного романа. По мнению автора, причиной появления и краха Парижской коммуны 1871 г. во Франции было отречение от Христа. «На Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно от того», – пишет автор [Мочульский, 1947, с. 315].

Общие настроения Достоевского финального периода можно выразить следующим образом: Федор Михайлович – человек, который не отрицает необходимости Бога, но пытается составить свой собственный образ его. Писатель видит несправедливости, которые Высший разум посылает людям, и упрекает его в несправедливости. Из Библии Достоевский больше всего любил Книгу Иова, писатель сам является образом этого страдальца. Его, как Иова, подвергал Господь величайшим испытаниям веры. Но в отличие от ветхозаветного героя, Иов – Достоевский не мог полностью смириться с данными испытаниями [Мочульский, 1947, с. 272]. «Бог милостив», – утверждает священник, на что Катерина Ивановна отвечает ему, «Милостив, да не до нас!» [Достоевский, 1973b, с. 144]. Через данный диалог автор отражает свое отношение к Богу: он справедлив, но не ко всем.

Церковь же на данном этапе жизни Достоевского окончательно отделяется от веры. Католическая церковь – зло, по представлению автора, Православная – носит нейтральный характер. Истинная же вера – народная. Русский народ истинно верующий, он не отказывается от веры во Христа, действует так, как угодно Богу. Если же православная церковь отходит от истинной веры, по мнению народа, то народ не подчиняется небогоугодным решениям и продолжает следовать тому, что считают истинно верной религией.

4. Заключение

Рассмотрение эволюции религиозного мировоззрения Ф. М. Достоевского позволяет выделить четыре этапа в становлении и развитии взглядов Достоевского на религию.

На первом этап (1821–1846) Федор Михайлович не осознает важность религии в своей жизни, он воспринимает Бога и церковь как одно целое, лишь как составляющую того эмоционального мира, в котором он существует. Вера является не искренним и осознанным желанием Достоевского, а лишь привычкой, определяемой домашним окружением и общественными условиями.

Второй этап представляет попытку отвержения Бога, критику религиозности человека, также во многом определяемую как результат влияния близкого ему по взглядам окружения.

Третий этап (1849–1859) – время постепенного формирования новой модели религиозности Федора Михайловича, писатель ближе знакомится с народной религией, имеет возможность переосмыслить свое собственное представление о Боге.

Четвертый, заключительный этап – апогей развития религиозного мировоззрения писателя. Религиозные мотивы преобладают во всем позднем творчестве и мировосприятии Ф. М. Достоевского. Вера в Бога связывается с духовными основами жизни народа и нации, но не обязательно с церковью. Церковь и вера перестают быть единым целым.

Список литературы

Абрамович, Н. Я. Христос Достоевского / Н. Я. Абрамович. – Москва : Изд-во И. А. Маевского, 1914. – 164 с. – Текст : непосредственный.

Баршт, К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского / К. А. Баршт // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. Pisa-Roma : Fabrizio Serra Editore. – 2017. – Vol. XXIV. – С. 29–46. – Текст : электронный // URL: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2019/12/166.-Stranitsy-iz-Russica-Romana-2017_Impaginato.-Riv804.pdf (дата обращения: 21.09.2025).

Белинский, В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю. 1847 / В. Г. Белинский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 13 т. ; редкол.:

Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. – Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848 ; тексты подгот. и коммент. к ним сост. Е. И. Кийко [и др.]; ред. Е. Г. Дементьев; АН СССР; ИРЛИ. Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 212–221.

Боград, Г. Сектант ли Смердяков? // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» : соврем. состояние изучения / Г. Боград. – Текст : непосредственный // Под ред. Т. А. Касаткиной ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Комис. по изучению творчества Ф. М. Достоевского. – Москва : Наука, 2007. – 508–522 с.

Гегель, Г. Народная религия и христианство / Г. Гегель. – Текст : электронный // URL: https://hegel.rhga.ru/upload/iblock/b31/merge_2.pdf (дата обращения: 21.09.2025).

Громыко, М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. / М. М. Громыко. – Новосибирск : Наука, 1985. – Текст : непосредственный.

Джонс, М. Достоевский и динамика религиозного опыта. 1998 / М. Джонс // URL: <https://chitay-knigi.com/17817-dostoevskii-i-dinamika-religioznogo-opyta-malkolm.html> (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

Достоевский, Ф. М. Бедные люди / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. – Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы. 1846–1847 ; ред. Г. М. Фридендер ; подгот. и примеч. Т. И. Орнатской, Г. М. Фридендера. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972а. – С. 13–109.

Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. – Т. 14: Братья Карамазовы : Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10. ; текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – 511 с.

Достоевский, Ф. М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений в 15 т. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – Т. 11. – С. 219–240.

Достоевский, Ф. М. Двойник / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы. 1846–1847 ; ред. Г. М. Фридендер; подгот. и примеч. Т. И. Орнатской, Г. М. Фридендера. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972б. – С. 109–229.

Достоевский, Ф. М. Дневник писателя 1873 / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. Т. 21: Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878 ; тексты подгот. и примеч. сост.

А. В. Архипова-Богданова [и др.]. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – С. 5–137.

Достоевский, Ф. М. Записки из мертвого дома // Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. – Т. 4: Записки из мертвого дома ; текст подгот. и примеч. сост. И. Д. Якубович [и др.]. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972с. – 326 с.

Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. – Т. 8: Идиот : роман ; текст подгот. И. А. Битюгова, Н. Н. Соломина. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973а. – 511 с.

Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. Т. 18: Статьи и заметки. 1845–1861 ; текст подгот. и примеч. сост. Е. И. Кийко [и др.]. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978а. – С. 35–40.

Достоевский, Ф. М. Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений в 15 т. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – Т. 12. – С. 217–272.

Достоевский, Ф. М. Петербургская летопись / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. – Т. 18: Статьи и заметки. 1845–1861 ; текст подгот. и примеч. сост. Е. И. Кийко [и др.]. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978б. – С. 23–28.

Достоевский, Ф. М. Письмо Н. Д. Фонвизиной. Конец января – 20-е числа февраля 1854. Омск / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. – Т. 28, кн. 1: Письма, 1832–1859 ; текст подгот. и примеч. сост. И. Л. Битюгова [и др.] ; предисл. Г. М. Фридлендера. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. – С. 175–177.

Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. ; редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. – Т. 6: Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом ; текст подгот. Л. Д. Опульская. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973б. – 423 с.

Достоевский, Ф. М. Ряд статей о русской литературе / Ф. М. Достоевский. – Текст : электронный // Время. Журнал литературный и политический, издаваемый под ред. М. Достоевского. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1861. – № 7. Отд. II. – С. 35–52. Август; Отд.

П. – С. 91–130. – URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/ruslit_03.pdf (дата обращения: 21.09.2025).

Достоевский, Ф. М. Хозяйка // Ф. М. Достоевский. – Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.] ; ИРЛИ. Т. 1. Бедные люди; Повести и рассказы. 1846–1847 ; ред. Г. М. Фридлиндер; подгот. и примеч. Т. И. Орнатской, Г. М. Фридлиндера. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972d. – С. 264–320.

Дунаев, М. М. Православие и русская литература / М. М. Дунаев. – 1997. – Т. 2. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/21/> (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

Звозников, А. А. Достоевский и православие: предварительные заметки / А. А. Звозников // Проблемы исторической поэтики. – 1994. – Т. 3. – URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2381> (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

Лосский, Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание / Н. О. Лосский ; предисл. С. Левицкого. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. – 406 с. – URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/literary/027/> (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

Миллер, О. Ф. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского : с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями / О. Ф. Миллер, Н. Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1883. – URL: <https://www.prlib.ru/item/1325208> (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

Мочульский, К. Достоевский. Жизнь и творчество / К. Мочульский. – Париж: YMCA-PRESS, 1947. – 561 с. – URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Mochulskij_K.V._Dostoevskij._ZHizn_i_tvorchestvo._1980.pdf (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

Петрашевцы об атеизме, религии и церкви / Сост., авт. предисл., биогр. справок, примеч. Ф. Г. Никитина ; отв. ред. В. Р. Лейкина-Свирская. – Москва : Мысль, 1986. – 270 с. – Текст : непосредственный.

Соловьев, В. С. Три речи в память Достоевского. 1881–1883 / В. С. Соловьев. – URL: <https://www.vehi.net/soloviev/trirechi.html> (дата обращения: 21.09.2025) (Оригинал издан в 1884 г.). – Текст : электронный.

Таунсенд, Дж. Достоевский и его теология. 1997 / Дж. Таунсенд. – URL: <https://faithalone.org/journal-articles/dostoevsky-and-his-theology/> (дата обращения: 21.09.2025). – Текст : электронный.

Получена: 24.10.2025

Принята: 11.11.2025

THE EVOLUTION OF F. M. DOSTOEVSKY'S RELIGIOUS VIEWS

P. A. Makarova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
polinamakarova20051019@yandex.ru

Abstract. The article examines the transformation of F. M. Dostoevsky's religious views through an analysis of key stages in the life and work of the thinker, and also emphasizes the influence on the formation of his ideas such things as life's trials, such as arrest, hard labor and exile in Siberia. Based on the analysis of Dostoevsky's personal documents, such as his works and other sources, we can trace the change of Fyodor Mikhailovich's views on religion: the transition from skepticism to deep faith in God. Based on the conducted research, the author made the conclusion that Dostoevsky went through 4 stages of the evolution of religious views, during which, faith in God gradually grew in Fyodor Mikhailovich.

Key words: Dostoevsky, religion, Christianity, Orthodoxy, atheism.

References

- Abramovich, N. Y. (1914). *Khristos Dostoevskogo* [Dostoevsky's Christ]. I. A. Mayevsky Publishing.
- Barsht, K. A. (2017). O "realizme v vysshem smysle" i simvole very F. M. Dostoevskogo [On "realism in the highest sense" and Fyodor Dostoevsky's symbol of faith]. *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*, 24, 29–46. http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2019/12/166.-Stranitsy-iz-Russica-Romana-2017_Impaginato.-Riv804.pdf
- Belinsky, V. G. (1956). Pis'mo k N. V. Gogolyu. 1847 [Letter to N. V. Gogol. 1847]. In N. F. Belchikov (Ed.-in-chief), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 10, pp. 212–221). USSR Academy of Sciences Publishing House. (Original work published 1847)
- Bograd, G. (2007). Sektant li Smerdyakov? [Is Smerdyakov a sectarian?]. In T. A. Kasatkina (Ed.), *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": Sovremennoe sostoyanie izucheniya* (pp. 508–522). Nauka.
- Hegel, G. W. F. (n.d.). *Narodnaya religiya i khristianstvo* [Folk religion and Christianity]. https://hegel.rhga.ru/upload/iblock/b31/merge_2.pdf
- Gromyko, M. M. (1985). *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854 gg.* [Siberian acquaintances and friends of F. M. Dostoevsky. 1850–1854]. Nauka.
- Jones, M. (1998). *Dostoevskii i dinamika religioznogo opyta* [Dostoevsky and the dynamics of religious experience]. <https://chitay-knigi.com/17817-dostoevskii-i-dinamika-religioznogo-opyta-malkolm.html>

Dostoevsky, F. M. (1972a). *Bednye lyudi* [Poor folk]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 1, pp. 13–109). Nauka. (Original work published 1846)

Dostoevsky, F. M. (1976). *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 14). Nauka. (Original work published 1879–1880)

Dostoevsky, F. M. (1993). Dva lagerya teoretikov (Po povodu “Dnya” i koe-chego drugogo) [Two camps of theoreticians]. In *Sobranie sochinenii* (Vol. 11, pp. 219–240). Nauka.

Dostoevsky, F. M. (1972b). *Dvoinik* [The Double]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 1, pp. 109–229). Nauka. (Original work published 1846)

Dostoevsky, F. M. (1980). *Dnevnik pisatelya. 1873* [A Writer's Diary. 1873]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 21, pp. 5–137). Nauka. (Original work published 1873)

Dostoevsky, F. M. (1972c). *Zapiski iz mertvogo doma* [Notes from the House of the Dead]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 4). Nauka. (Original work published 1861–1862)

Dostoevsky, F. M. (1973a). *Idiot* [The Idiot]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 8). Nauka. (Original work published 1868–1869)

Dostoevsky, F. M. (1978a). Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal “Vremya” na 1861 god [Announcement of subscription to the journal “Vremya” for 1861]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 18, pp. 35–40). Nauka.

Dostoevsky, F. M. (1994). Ob'yasneniya i pokazaniya F. M. Dostoevskogo po delu petrashevtshev [Explanations and testimony in the Petrashevsky case]. In *Sobranie sochinenii* (Vol. 12, pp. 217–272). Nauka.

Dostoevsky, F. M. (1978b). *Peterburgskaya letopis'* [Petersburg chronicle]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 18, pp. 23–28). Nauka.

Dostoevsky, F. M. (1985). Pis'mo N. D. Fonvizinoi. January–February 1854. Omsk [Letter to N. D. Fonvizina]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 28, Book 1, pp. 175–177). Nauka.

Dostoevsky, F. M. (1973b). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 6). Nauka. (Original work published 1866)

Dostoevsky, F. M. (1861). Ryad statei o russkoi literature [A series of articles on Russian literature]. *Vremya*, (7), 35–52, 91–130. https://fedordostoevsky.ru/pdf/ruslit_03.pdf

Dostoevsky, F. M. (1972d). *Khozyayka* [The Landlady]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Polnoe sobranie sochinenii* (Vol. 1, pp. 264–320). Nauka. (Original work published 1847)

Dunaev, M. M. (1997). *Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian literature] (Vol. 2). <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/21/>

Zvoznikov, A. A. (1994). Dostoevsky and Orthodoxy: Preliminary notes. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 3. <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2381>

Lossky, N. O. (1953). *Dostoevsky i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian worldview]. Chekhov Publishing House. <https://fedordostoevsky.ru/research/literary/027/>

Miller, O. F., & Strakhov, N. N. (1883). *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F. M. Dostoevskogo* [Biography, letters, and notebook entries of F. M. Dostoevsky]. A. S. Suvorin Printing House. <https://www.prlib.ru/item/1325208>

Mochulsky, K. (1947). *Dostoevsky. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky: Life and works]. YMCA Press. https://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Mochulskij_K.V._Dostoevskij._ZHizn_i_tvorchestvo._1980.pdf

Nikitina, F. G. (Ed.). (1986). *Petrashevtsy ob ateizme, religii i tserkvi* [The Petrashevists on atheism, religion, and the church]. Mysl.

Solovyov, V. S. (1884). *Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo* [Three speeches in memory of Dostoevsky]. <https://www.vehi.net/soloviev/trirechi.html>

Townsend, J. (1997). Dostoevsky and his theology. <https://faithalone.org/journal-articles/dostoevsky-and-his-theology/>

Submitted: 24.10.2025

Accepted: 11.11.2025

УДК 94(47).084.5+084.6

ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРЕСТЬЯН МЕРОПРИЯТИЯМ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ДЕРЕВНИ НАКАНУНЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В. Ф. Мезенцев

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
vicmir10@gmail.com

Д. А. Балан

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
dima3344balan@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается политика советского государства в отношении деревни накануне коллективизации и формы сопротивления этой политике со стороны крестьян. На основе различных источников анализируются направления и формы сопротивления крестьян ужесточившемуся со второй половины 1920-х гг. курсу советского руководства на установление контроля над крестьянским хозяйством. Прослежены различные формы противодействия наступательной политике советского государства со стороны крестьян: попытки создания собственного политического представительства, отказ от продажи сельскохозяйственной продукции, сокращение посевов и отказ от содержания скота. Отмечается, что такое сопротивление крестьян имело лишь относительное воздействие на проведение курса ВКП(б) на подчинение деревни интересам советского государства. После незначительной по времени передышки советское государство в 1929 г. приступает к решительному натиску на деревню, что выливается в кампанию сплошной коллективизации в начале 1930 г.

Ключевые слова: СССР, аграрная политика, крестьянство, крестьянское сопротивление, коллективизация.

1. Введение

Российская деревня на рубеже 20–30-х гг. XX в. переживала один из наиболее трагических периодов своей многовековой истории. «Революция сверху», начатая режимом И. В. Сталина, имела своей целью ликвидацию единоличных хозяйств и создание вместо нее колхозной системы. Политика насильственного изменения уклада хозяйствования и давление на деревню вызвали в крестьянской среде сопротивление и протесты, которые выливались в различные формы противодействия политике советского государства. Попытки государственных институтов с помощью репрессий справиться с крестьянским недовольством приводили лишь к частичному

успеху, сопротивление крестьян заставляло советскую власть идти на компромиссы.

2. Материал и методика исследования

Политика советского государства в отношении российской деревни получила отражение во многих работах как советского, так и постсоветского периода отечественной историографии [Ивницкий, 1994; Данилов, 2011; Виола, 2010]. В меньшей степени затронута тема реакции крестьян на активную наступательную политику, предпринятую правящей партией на рубеже 1920–1930-х гг., целью которой являлось установление полного контроля со стороны государства над хозяйственной деятельностью в деревне. Именно этому аспекту взаимоотношений советского государства и российского крестьянства посвящена данная статья. На основе разнообразных источников, включающих в том числе официальные документы ВКП(б) и советского правительства, секретные отчеты ОГПУ о положении в деревне, письма крестьян в органы власти, периодическую печать, предпринят анализ реакции крестьянских масс на действия советского руководства, направленные на подчинение и установление полного контроля над хозяйственной и общественной жизнью русской деревни.

3. Анализ

С 1926 г. советское государство постепенно сворачивает НЭП и отказывается от курса «Лицом к деревне», предполагающего сотрудничество государства с крестьянством.

Так согласно инструкции о выборах городских и сельских советов от 26 ноября 1926 г. крестьянам, применяющим наемный труд, имеющим промысловые и промышленные производства, дающим в долг сельскохозяйственные машины и скот, запрещалось участвовать в выборах в сельские советы [Социальный портрет, 1996, с. 32–33]. Таких крестьян советская пропаганда клеймила «кулаками». Эта мера была направлена на ограничение влияния зажиточного и авторитетного крестьянства в структурах власти в деревне.

Количество лишенных избирательных прав крестьян, начиная с 1926 г. резко увеличивалось вплоть до 1929 г. По официальным данным статистики, в РСФСР в сельской местности доля лишенных избирательных прав по итогам выборных процедур 1926–1927 г. составляла 1 млн 390 тыс. человек, т. е. 3,3% от всего населения. В следующем 1928 г. доля лишенцев в сельской местности на территории всего СССР увеличилась на 24%. В 1929–1931 годах доля лишенцев в сельской местности Советского Союза сократилось с 3,9 до 3,5%, или на 330 тыс. человек. По мнению историков, данные официальной статистики о сокращении численности лишенцев могли быть сфальсифицированы [Маргиналы, 2017, с. 75–77]. Впрочем, лишение избирательных прав в сельской местности было лишь одним из инструментов давления советского государства в отношении крестьянства и укрепления власти в деревне.

Другим инструментом давления на крестьянство являлась фискальная политика государства в отношении крестьянства. С 1923 г. в стране был введен единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН). В 1926/1927 финансовом году налогом стали облагаться не только земельное владение и скот, но и отдельные отрасли сельского хозяйства и заработка, не связанные с сельскохозяйственной деятельностью [Тянут с мужика последние жилы, 2007, с. 3–4].

В 1927/1928 г. государство приняло решение о резком увеличении ставки налогообложения для зажиточных крестьян, при этом от уплаты налогов освобождались бедняцкие слои деревни. В 1928/1929 г. правительство увеличило ставку фискального обложения для крестьян-средников [Тянут с мужика последние жилы, 2007, с. 5–6].

ЦК ВКП(б) с 1926 г. постоянно увеличивало итоговый план налоговых сборов вплоть до 1937 г. [Тянут с мужика последние жилы, 2007, с. 19]. При этом расширялись объекты налогового обложения, а также вводились новые налоги и сборы. Все это вело к увеличению налогового прессинга на середняцкое и зажиточное крестьянство, а в последующем – на колхозное и единоличное.

Такая налоговая политика в отношении крестьянства провоцировала конфликты среди крестьян и осложняла их отношения с государством. Из письма крестьянина П. А. Полина М. И. Калинину: «... Поймите, ведь обидно, когда сосед платит с приблизительно хорошим хозяйством, с одинаковой наделенной нормой земли 5–10 рублей, а я – 275 руб[лей] 85 копеек» [Письма во власть, 2002, с. 39].

Не пользовалась популярностью среди крестьянства и политика государства в отношении «традиционных» институтов в лице сельских общин. Государство на протяжении всех 1920-х гг. сокращала функции сельских обществ.

Хлебозаготовительная политика советского правительства представляла собой важнейший механизм накопления средств для проведения модернизации промышленности и являлась инструментом давления на крестьянство. Со второй половины 1920-х гг. хлебозаготовительные планы государства постоянно увеличивались, но игнорировалась реальная урожайность сельскохозяйственной продукции и внутренние запасы крестьянских хозяйств.

В 1926 г. в ЦК и Политбюро ВКП(б) возникло убеждение о всеобщем изобилии в деревне. Эти представления повлияли на работу статистических органов государства, в первую очередь ЦСУ (Центральное статистическое управление). В статистических данных объем хлебофуражного баланса увеличивался, несмотря на реальные объемы продукции, что в последующем предполагало увеличение планов хлебозаготовок [Трагедия советской деревни, 1999, с. 17–21].

В 1929 г. план хлебозаготовок предполагал получение 11 млн 200 тыс. т зерна, что было больше по сравнению с 1928 г. на 179,2 тыс. т. При этом валовый сбор урожая зерновых в сравнении с предыдущим годом снизился на 2,4 млн т [Кондрашин, 2018, с. 117].

Хлебозаготовительная политика советского государства в деревне не предполагала учета интересов сельских жителей. Положение крестьянства ухудшалось, в некоторых регионах возникал голод. Негативное отношение крестьянства к государству усиливалось. Это выливалось в различные формы противодействия со стороны крестьян.

В 1927 г. среди крестьянства стали пользоваться популярностью идеи создания политического представительства в структурах власти, который бы выражал интересы этой социальной группы. Согласно сведениям секретного отдела ОГПУ, «крестьянский союз является наиболее распространенным и наиболее популярным лозунгом антисоветской агитации и встречает отклик почти во всех слоях деревни» [Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 2000, с. 786].

Идея политической партии крестьян, защищающей их интересы, связана со сложной ситуацией в деревне: дефицитом промышленных товаров при высокой для крестьян их стоимости. При этом закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию были занижены. Многих крестьян также раздражала информация о благоприятном положении рабочих в городах.

В связи с этим в ряде регионов страны крестьянство агитировало за создание разного рода крестьянских представительств во власти. Наиболее популярными была агитация за создание крестьянских союзов. Из доклада Киренского окротдела ОГПУ: «В первых числах декабря м[инувшего] года в отдельных районах Киренского округа появились случаи агитации крестьян за создание крестьянского союза. Эти толкования нужно отнести главным образом за счет зажиточного элемента деревни. Агитируя за создание крестьянских союзов, ими выдвигаются [такие] основные моменты: несоответствие ценпредметов фабрично-заводского производства с продуктами сельского хозяйства, тяжелая налоговая политика соввласти, привилегированность служащих и рабочих, наличие у последних своих профессиональных организаций, защищающих их интересы в противовес благополучию крестьянства...» [Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 2000, с. 539].

По данным ОГПУ, официально за 1927 г. было зафиксировано 2312 выступлений за создание крестьянского союза [Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 2000, с. 786]. По нашему убеждению, эта цифра не является предельной.

Крестьяне считали, что, организация крестьянского союза в качестве политического представительства в структурах власти могла противостоя-

ять политике государства по эксплуатации деревни и смогла бы защитить интересы крестьянства.

В 1927–1928 гг. крестьяне отказывались поставлять сельскохозяйственную продукцию на рынок. В стране разворачивается хлебозаготовительный кризис. Причинами его стали низкие закупочные цены на продукцию деревни при высоких ценах на промышленные товары и слухи о грозящей опасности войны с Великобританией. Крестьяне опасались массовой конфискации продукции и дефицита продовольствия.

Крестьянство заботилось о собственном выживании, а не о нуждах государства. В условиях определившегося курса ВКП(б) на проведение модернизации промышленности за счет внутреннего накопления, в первую очередь за счет деревни, такая позиция для власти была неприемлема. Ответом властей стало усиление репрессивного давления на крестьянство.

В ноябре 1927 г. расширяются функции административного принуждения ОГПУ. Так был разработан Проект постановления Совнаркома СССР об усилении борьбы со спекуляцией и ажиотажем в области заготовок и снабжения страны продуктами промышленного и сельскохозяйственного производства, согласно которому к юридической ответственности могли привлекаться сельхозпроизводители, торговцы и иные лица. Кроме того, к ответственности могли привлекаться и должностные лица в упрощенном порядке [Трагедия советской деревни, 1999, с.102]

В конце декабря 1927 г. ЦК ВКП(б) разослал в региональные партийные организации директивы об усилении нажима на крестьянство для проведения хлебозаготовительных компаний. Среди предлагаемых мер предполагалось усилить взыскание платежей с крестьян с жестко установленными сроками [Ивницкий, 2015, с. 13–14]

В январе 1928 г. партийный аппарат отправляет высших политических представителей в разные регионы СССР с целью преодоления кризиса и выполнения хлебозаготовительных мероприятий. И. В. Сталин, замещая Г. К. Орджоникидзе, в середине января совершает поездку в Сибирский край, во время которой районным и окружным комитетам партии было предложено использовать репрессивные механизмы давления на крестьян для взыскания налоговых недоимок и проведения хлебозаготовительных мероприятий. Предполагалось использование статей уголовного кодекса (107 УК РСФР). Судебные решения должны были происходить в ускоренном порядке с игнорированием официальных процедур [Ивницкий, 2015, с. 14].

В дальнейшем эти предложения были дополнены требованиями к местной власти использовать репрессивные меры и для конфискации сельскохозяйственных излишков у зажиточных крестьян-кулаков. Они включали в себя ограничения частной торговли, принудительной продажи с/х продукции по закупочным ценам, насильственные конфискации продо-

вольствия. В случае невыполнения хлебозаготовительных заданий налагались увеличенные в два или пять раз задания. К мероприятиям по насильственному изъятию продовольствия привлекались бедняцкие слои деревни. За участие в помощи по изъятию запасов бедняки получали 25% от изъятых продовольствия [Ивницкий, 2015, с. 16].

Подобные меры административно-репрессивного давления в отношении крестьян распространились на всю территорию СССР. По данным С. Максудова, в 1928 г. массовым репрессиям в деревне подверглось 36 239 человек [Максудов, 2019, с. 30]

Реакция крестьянства на подобные чрезвычайные меры была отрицательной, повысился уровень враждебности по отношению к государству. В сводках ОГПУ содержится информация о нежелании крестьянства выполнять хлебозаготовки. Так, согласно информации Пермского окружного отдела ОГПУ о невыполнении хлебозаготовок в селе Сепыч Верещагинского района от 19 июня 1928 г., «группа кулаков, лишенных избирательных прав... организовавшись, ведут усиленную агитацию, направленную на срыв кампаний по хлебозаготовкам... СЕЛИВАНОВ Михаил Иванович говорит: “Хлеб разложила беднота, а мы сдавать, где они, давайте их сюда, кто и какое имел право распоряжаться нашим хлебом, зачитайте нам подписи бедноты, скажите, кто присутствовал на бедняцком собрании. ...Почему хлебозаготовки коммунисты не вели с осени, хватились уже тогда, когда весь хлеб ушел в Вятскую сторону. У нас нет хлеба. Он родится один раз в год. Власть насильно отбирает хлеб у мужиков не считается, хватит ли ему до свежего”» [Общество и власть, 2008, с. 566–567]

Недовольство политикой власти распространялось и в красноармейских частях. Так, согласно докладной записке Особого отдела ОГПУ от 2 апреля 1928 г., информирующего о настроениях в РККА в связи с хлебозаготовками, присутствует следующая информация: «Кампании по хлебозаготовкам, самообложению и размещению крестьянского займа вызвали резкий рост недовольств среди крестьянства. Эти настроения через письма, в некоторой части через ходоков, специально посланных в армию из деревни, в терчастях непосредственно, быстро в массовом порядке перекинулись в армию, вызвав весьма сильный и массовый рост недовольств последними мероприятиями Соввласти по этим вопросам со стороны красноармейской массы, ни одно событие до сих пор не имело такого массового отражения в армии... Значительное число призывов о необходимости вмешательства армии для защиты крестьянства, о ненужности защищать теперешнюю власть, которая обижает крестьян и др.» [Трагедия советской деревни, 1999, с. 232]. Подобная напряженность в армии сохранялась вплоть до августа 1928 г. Только после отказа от использования «чрезвычайных мер» в деревне уровень враждебности в РККА уменьшился, однако в некоторых регионах сохранялась напряженная обстановка. Так в обзоре-сводке № 5 Политуправления РККА о «крестьян-

ских настроениях» в армии от 3 сентября 1928 г. говорилось следующее: «Августовские политдонесения политуправлений округов говорят о заметном сокращении притока в части писем из деревни с жалобами на хлебозаготовки и на применение чрезвычайных мер. Это, по-видимому, связано с окончанием хлебозаготовительного года, а также с решением июльского пленума ЦК об отмене чрезвычайных мер... По-прежнему крестьянские настроения носят острый характер в частях СибВО, что связано с выполнением задания центра по заготовке в Сибкрае в течение июня – июля 5,5 млн пуд. хлеба; здесь поступление из деревень в части округа писем отрицательного характера усилилось, принимая форму недовольств недостатком хлеба как в городе, так и деревне, а также повысившимися ценами на хлеб» [Трагедия советской деревни, 1999, с. 373–374].

Усилились акты публичных выступлений. Так, по данным доклада Секретного отдела ОГПУ «Антисоветское движение в деревне», за первые восемь месяцев 1928 г. наблюдается около 564 массовых выступлений крестьян, в основном на Северном Кавказе, в Украине, на Урале. 448 выступлений связаны с продовольственными проблемами, 52 случая – с мероприятиями по хлебозаготовкам, остальные – с землеустройством, налогообложением, религией. Кроме этого, резко возросли акты физического противодействия среди крестьянства. За первые семь месяцев 1928 г., по данным ОГПУ, известно о 1049 случаях актов физической агрессии, именуемый в отчетах как «кулацкий» террор. Данная форма активного сопротивления была направлена против работников партийного аппарата (44,9%) и активистов (36,3%) [Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 2000, с. 810–811].

Другой формой «мирного» неагрессивного противодействия политике государства являлось сокращение посевных площадей крестьянских хозяйств. Так, согласно статистическим данным, объем посевных площадей единоличных крестьян в Уральской области в 1927 г. составлял 5392,1 тыс. гектаров, а в 1928 г. – 5066,9 тыс. гектаров. Размер посевных площадей уменьшился на 325,2 тыс. гектаров [Баранов, 2009, с. 415]. Всего же на территории СССР за 1928 г. размер посевной площади уменьшился на 2,5 млн гектаров [Максудов, 2019, с. 33]. Вот как описан процесс сокращения посевных платежей в письме В. Г. Яковенко М. И. Калинин у после посещения им Канского округа Сибирского края от 3 октября 1928 г.: «По второму вопросу в отношении посевной площади: проехавши сотни верст по крестьянским полям и побеседовав с большим числом крестьян, я убедился, что расширение посевной площади приостанавливается. Характерно то, что ни одной борозды новой целины не было распаханно» [Трагедия советской деревни, 1999, с. 398].

Во второй половине 1928 г. подобные чрезвычайные меры были временно приостановлены, однако к ним вернулись уже в начале 1929 г.

В конце 1928 г. в основных хлебозаготовительных регионах страны сложились продовольственные затруднения, связанные с неурожаем. При этом в таких регионах страны, как Поволжье, Урал, Башкирия, Сибирь и Казахстан положение с точки зрения хлебозаготовок было более благоприятным. Советское руководство решило надавить на эти восточные регионы для выполнения плана [Ильиных, 2006, с. 20].

Для этого предполагалось использования методов репрессивно-административного давления на деревню, основой которой являлись обязательные хлебозаготовительные задания, распределяющиеся между середняцкими и зажиточными хозяйствами. Задания распределялись коллективным решением на общем собрании крестьян. За невыполнение обязательного хлебозаготовительного задания налагалась штрафная санкция в виде так называемого «кратирования», предполагающего увеличение хлебозаготовительного задания в двукратном, пятикратном и даже десятикратном размерах. Активно применялась ст. 107 УК РСФСР, предполагающая конфискацию, арест, заключение и ссылку. Конфискационные мероприятия производились силами самих крестьян [Ильиных, 2006, с. 21–23].

Изначально подобные меры были распространены на территории Урала, но с 20 марта 1929 г. подобные меры организации хлебозаготовок распространились и на территорию Сибири и Казахстана. С 27 марта – на Нижнюю Волгу. В мае «урало-сибирский метод» был распространен на территории всех основных хлебозаготовительных регионов СССР [Ильиных, 2006, с. 24–25].

27 июня 1929 г. было издано постановление ВЦИК и СНК «О расширении прав местных советов по содействию выполнению государственных заданий и планов». Этот нормативный акт предписывал и юридически закреплял местным властям право применять силу в отношении сопротивляющихся крестьян [Трагедия советской деревни, 1999, с. 659–660].

В условиях нажима на крестьянство усилились массовые аресты крестьян. Так за 1929 г. всего было репрессировано 99 662 человека, среди репрессированных численность кулаков составляла 49 949 человек, середняков – 33 411 человек, батраков – 16 302 человек. В таких регионах, как Украина, Средняя Волга, Северный Кавказ, Сибирь, репрессиям подверглось половина всех кулацких хозяйств, учтенных в 1927 г. [Максудов, 2019, с. 29–30].

Градус конфликтности рос. Политика советского режима в деревне вызывала недовольство и отторжение. Об этом свидетельствуют информационные сводки ОГПУ за январь 1929 г.: «В числе конкретных экономических требований кулачества мы имеем коренное изменение в политике обложения сельхозналогом мощных групп крестьянства (отмена индивидуального обложения, отказ от прогрессивного налога и т. д.) и ослабление «нажима» на них вообще, расширение частного рынка и свертывание ко-

оперативной сети, отказ от «насилованной коллективизации крестьянства» и организации совхозов, отказ от политики индустриализации и предоставление крестьянству «полной свободы реализации своих хлебных излишков» [«Совершенно Секретно», 2004, с. 46-47].

В начале 1929 г. в информационных сводках ОГПУ описываются трудности хлебозаготовительных мероприятий в некоторых регионах страны в связи с нежеланием отдавать хлеб государству, «придерживания хлебных запасов не только со стороны кулачества и зажиточных, но и со стороны части середнячества, оставляющего значительные излишки на случай необходимости посева озимых (состояние их не всюду выяснено) и неурожая (Украина, СВО, СКК)» [«Совершенно секретно», 2004, с. 40–41]. Описываются усиление конфликтности в деревне, отрицательное отношение крестьянства к хлебозаготовкам. Отмечается, что «значительно возросла также активность кулачества и зажиточных, направленная к срыву заготовок... Кулаки и зажиточные слои деревни... при проведении последних мероприятий, связанных с хлебозаготовками (бойкот, дополнительно 2-х и 5-кратное самообложение и т. п.), значительно усилили свою антисоветскую деятельность и стремились обострить недовольство мало-мощных слоев, провоцируя их на массовые выступления (Сибирь, Урал)» [«Совершенно секретно», 2004, с. 186].

Отрицательное отношение крестьянства к мероприятиям государства также описывается и в письмах крестьян к родственникам: «Так что теперь хлеба немного отдохнули, хлеба для семьи наберем, хотя хлеба-то наберем, но дать-то нам едва дадут, у нас идет хлебозаготовка. На нас наложили 20 пуд... У [нас] описали жеребенка и четыре овцы, отбирают все в кредит у каждого в деревне, у кого есть две лошади и две коровы, то одну берут лошадь и одну корову и оставляют на каждый дом одну лошадь и корову. Оставшееся все отбирают. Овец всех до одной берут. И у кого не хватает скотины, забирают, у кого что есть хорошее: одежду, мебель и посуду... Ходят по дворам и ищут у всех хлеб, найдут пуд – полпуда – все отбирают, оставляют только один пуд на едока. Хлеба купить негде, не найдешь, и нельзя продать...» [Трагедия советской деревни, 1999, с. 663].

Общее недовольство крестьян привело к активному сопротивлению. Согласно данным ОГПУ, в 1929 г. было совершено 1604 поджога колхозно-совхозного имущества, в результате агрессии крестьян в отношении представителей государственной власти и активистов было убито и ранено 9137 человек. В стране за 1929 г. произошло 1307 случаев массовых выступлений против политики государства в деревне. В некоторых регионах возникали массовые вспышки с убийством партийных работников и ожесточенным насилием. Среди них Кабарда, Ставропольский округ, Сыр-Дарьинский и др. [Трагедия советской деревни, 2000, с. 702–703].

Особенно массовое сопротивление власти отмечалось во второй половине 1929 г.: «Со второй половины 1929 г. кулачество интенсивно консо-

лидирует все наличные силы села, объединяя их в конспиративные контрреволюционные организации и группы, ставящие своей непосредственной целью вооруженную борьбу с Советской властью» [Трагедия советской деревни, 2000, с. 702–703]. Противодействие политике советского режима зачастую исходило даже не из зажиточно-кулацкой части деревни, а и из середняцкой и бедняцкой.

Крестьяне возмущались не только экономической политикой государства, но и политикой государства в отношении религии и церкви. Их возмущение вызывали массовые закрытия храмов, антирелигиозная пропаганда, борьба со служителями церкви. В деревне царили апокалиптические настроения, ходили слухи о скором приближении страшного суда [Фицпатрик, 2001, с. 58]. Жестокое отношение государства к крестьянству и церкви порождал представления о том, что советская власть является лицетворением антихриста. Они подпитывали антисоветские настроения среди крестьян [Виола, 1996, с. 53–54].

Крестьяне стремились противостоять политике государства и иными средствами, которые заключались в уничтожении скота, сокращении посевных площадей, отказе от имущества.

Весной и летом 1929 г. на фоне принудительных хлебозаготовок среди крестьян все сильнее стали звучать призывы к сокращению посевных площадей, чтобы не отдавать сельскохозяйственную продукцию государству. Из сводки Информационного отдела ОГПУ №4 о подготовке к весенней посевной компании: «Украина... Среди кулачества и зажиточных отмечены разговоры о предполагающемся сокращении ими посевплощади... кулак при разговоре о посеве заявил: “У меня на посев хватит, но я не только не думаю арендовать земли у бедняков, но даже не думаю засеивать всю свою норму”. ...в этом году брать у середняков в аренду землю не будут, будут сеять только для себя. ...зажиточные казаки собираются сократить посевную площадь... Кулаки и зажиточные повсеместно агитируют против мероприятий по повышению урожайности и расширению посевплощади» [Трагедия советской деревни, 1999, с. 562–563]. За 1929 г. размер посевов в стране хоть и увеличился, но всего на 1,2 млн гектаров [Максудов, 2019, с. 33]. При этом на фоне массового недовольства велик был риск реального сокращения посевных площадей, как в 1920–1921 гг., в период проведения политики «военного коммунизма».

В конце 1929 г. начался новый этап «революции сверху». После ослабления положения в партии Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, которые оказывали политическое сопротивление нажиму на деревню, И. В. Сталин решился на реализацию политики насильственных хлебозаготовок, форсированной коллективизации и «уничтожения кулачества как класса».

Еще в октябре 1929 г. политбюро издало директиву, расширяющую возможности наркомата юстиции РСФСР и УССР, ОГПУ по использованию репрессивных практик против кулаков. После ноябрьского пленума 1929 г. вышло постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», которое предполагало разворот в деревне в направлении коллективизации и кампанию по реальному «уничтожению кулачества как класса» [Сорокин, 2023, с. 565–566].

5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) выпускает постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» [Трагедия советской деревни, 2000, с. 85–86]. 30 января – постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [Трагедия советской деревни, 2000, с. 126–130]. Данные постановления фактически дали старт радикализации коллективизации и раскулачиванию в деревне.

Для проведения мероприятий по раскулачиванию и коллективизации были мобилизованы сельские активисты, партийные кадры, рабочие. В деревне политику коммунистической партии не поддерживала основная доля крестьянства, о чем свидетельствует процентное соотношение мест в сельских советах между партийными, беспартийными членами сельских советов в 1929 году: так членов и кандидатов ВКП(б) составляло 10,0%; членов и кандидатов ВЛКСМ – 6,4%; беспартийных – 83,6 % [Выборы в советы, 1929, с. 66-67]

4. Заключение

Начиная с 1926 г. советское государство взяло курс на осуществление модернизации промышленности за счет ресурсов деревни, по существу за счет насильственного изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьян. Это осуществлялось путем повышения налогообложения, увеличения хлебозаготовительных планов.

Политика государства в деревне приводила к ухудшению жизни крестьян и повышению градуса враждебности в отношении к власти, что отразилось в распространении призывов к созданию крестьянского политического представительства в институтах государственной власти, в отказе от продажи сельскохозяйственной продукции по низким закупочным ценам и других формах сопротивления. В итоге это привело к хлебозаготовительному кризису в 1927–1928 гг.

В ответ на кризис хлебозаготовок государство все в большей мере применяет в отношении крестьян административно-репрессивные механизмы. Растет количество крестьян, лишенных избирательных прав. В основном это зажиточные крестьяне, которые больше всех ощущали давление со стороны государства и активно этому противодействовали.

Другой формой административно-репрессивного режима являлось введение так называемых чрезвычайных мер. Вводилась обязательная продажа зерновых по заниженным закупочным ценам. Активно использова-

лась ст. 107 УК РСФСР в отношении зажиточных крестьян, не платящих налоги и отказывающихся от продажи продукции государству. На основе этой статьи осуществлялась конфискация имущества крестьянских хозяйств. Государство настойчиво сталкивало между собой зажиточные и бедняцкие слои деревни, используя это как эффективный инструмент. За участие в «раскулачивании» бедняки имели право получить 25% от конфискованной продукции.

Итогом подобных административно-репрессивных мер являлись повышение враждебности и сопротивление крестьян мероприятием государства. Сопротивление крестьян происходило как в активных, открытых, так и в латентных, скрытых формах. Среди активных форм противодействия можно выделить массовые выступления крестьян против политики государства, акты физической агрессии против представителей власти, поджоги, уничтожения государственного имущества. Более скрытые формы сопротивления представляли собой сокращение посевных площадей и уничтожение или отказ от скота.

В июле 1928 г. государство временно отказалось от использования административно-репрессивных мер в отношении крестьянства, однако в начале 1929 г. государство вновь вернулась к ним.

С 1929 г. сначала на территориях восточных регионов СССР были введены новые административно-репрессивные меры, предполагающие обязательные хлебозаготовительные задания для середняцкого и зажиточного крестьянства. При этом задания распределялись и оформлялись через коллективные решения крестьянских собраний. За невыполнение хлебозаготовительных заданий использовались меры «кратирования», т. е. увеличение в несколько раз хлебозаготовительных заданий, конфискация имущества, административная высылки, аресты и заключение. В начале лета 1929 г. подобные меры были распространены на территорию всего Советского Союза.

Итогом подобной политики властей стало усиление различных форм крестьянского сопротивления и рост напряжения в деревне. Советский режим в ответ усиливал репрессии против крестьян.

Основная часть крестьян не поддерживала политику государства в деревне, что не помешало партийному руководству во главе с И. В. Сталиным усиливать давление на деревню и в 1930 г. начать сплошную коллективизацию и радикализировать политику раскулачивания. Это означало переход советского государства на новый уровень отношений с крестьянством, итогом чего стало уничтожение доколхозной деревни и установление полного контроля правительства над сельскохозяйственным производством.

Список литературы

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук [и др.]. – Т. 7 : 1929 г. ; сост.: Ю. Л. Дьяков [и др.]. – Москва : [б. и.], 2004. – 767 с. – Текст : непосредственный.

«Тянут с мужика последние жилы...» : налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.) : сборник документов и материалов / М-во культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив экономики ; [сост.: Н. Е. Глущенко и др.]. – Москва : Собрание, 2007. – 636 с. – Текст : непосредственный.

Баранов, Е. Ю. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение население Урала, 1928–1934 гг. : монография / Е. Ю. Баранов, Г. Е. Кириллов, В. А. Лабузов ; Российская акад. наук, Уральское отделение, Ин-т истории и археологии. – Москва : Дашков и К^о, 2009. – 629 с. – Текст : непосредственный.

Виола, Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. – Москва : РОС-СПЭН, 2010. – 366 с. – Текст : непосредственный.

Выборы в советы и формирование органов власти в СССР в 1929 г.: сельские советы, городские советы, съезды, исполкомы, республиканские съезды, ЦИКы, Всесоюзный съезд, Союзный совет, Совет национальностей: подготовка к перевыборам и отчетно-предвыборная кампания: избиратели: численность, пол, социальное положение, активность: избранные: пол, социальное положение, партийность, возраст, грамотность, национальность: статистические материалы / Центр. избир. комис. Президиума ЦИК СССР. – [М.] : Власть Советов, 1929. — 105 с. : табл. – Текст : непосредственный.

Данилов, В. П. История крестьянства России в XX веке : избранные труды : в 2 ч. / В. П. Данилов ; сост. М. А. Вылцан, Л. В. Данилова, Е. В. Данилова; редкол.: М. А. Вылцан [и др.] ; Российская акад. наук, Ин-т российской истории, Ин-т общественной мысли. – Москва : РОССПЭН, 2011. – Ч. 1. – 863 с., Ч. 2. – 831 с. – Текст : непосредственный.

Ивницкий, Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР / Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н. А. Ивницкий. – Москва : Собрание, 2009. – 286 с. – Текст : непосредственный.

Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. – Москва : Интерпракс, 1994. – 269 с. – Текст : непосредственный.

Ильиных, В. А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиск оптимального варианта / В. А. Ильиных. – Текст : электронный // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – №2. – С. 20–26. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/uralo-sibirskiy-metod-hlebozagotovok-poisk-optimalnogo-varianta> (дата обращения: 11.09.2025).

Кондрашин, В. П. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В. П. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН, 2018. — 565 с. — Текст : непосредственный.

Максудов, С. Победа над деревней : демографические потери коллективизации / С. Максудов. — Москва ; Челябинск : Социум. 2019. — 600 с. — Текст : непосредственный.

Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов : / Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [и др.] ; ответственные редакторы: С. А. Красильников, А. А. Шадт. — 2-е изд. — Москва : РОССПЭН, 2017. — 550 с. — Текст : непосредственный.

Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Пермский край. Т. 1. 1917–1940. — Пермь : Банк культурной информации, 2008. — 916 с. — Текст : непосредственный.

Письма во власть: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. — Москва : РОССПЭН, — 2002. — 524 с. — Текст : непосредственный.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939. 1918–1939 : документы и материалы : в 4 томах / Институт российской истории РАН; под редакцией А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). — Т. 2: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ, 1923–1929. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 1166 с. — Текст : непосредственный.

Сорокин, А. К. История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. : в 2 книгах. — Книга 1 : «Мы наш, мы новый мир построим...», 1917–1938 / А. К. Сорокин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2023. — 959 с. — Текст : непосредственный.

Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) : сб. док. / М-во общ. и проф. образования РФ. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; сост.: Е. В. Байда и др. — Екатеринбург УрГУ, 1996. — 255 с. — Текст : непосредственный.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : В 5 т. — Т. 1 : Май 1927 – ноябрь 1929 / Под редакцией В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — Москва : РОССПЭН, 1999. — 880 с. — Текст : непосредственный.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : В 5 т. — Т. 2 : Ноябрь 1929 – декабрь 1930. / Под редакцией В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 925 с.

Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 421 с. — Текст : непосредственный.

Получена: 20.10.2025

Принята: 22.11.2025

SOVIET STATE'S MEASURES IN THE VILLAGE ON THE EVE OF COLLECTIVIZATION

V. F. Mezentsev

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch)
Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
vicmir10@gmail.com

D. A. Balan

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch)
Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
dima3344balan@yandex.ru

Abstract. This article examines Soviet state policy toward the countryside on the eve of collectivization and the forms of peasant resistance to this policy. Drawing on various sources, it analyzes the directions and forms of peasant resistance to the Soviet leadership's intensified policy of establishing control over peasant farms beginning in the second half of the 1920s. Various forms of peasant resistance to the Soviet state's aggressive policy are traced, including attempts to establish their own political representation, refusal to sell agricultural produce, reductions in crops, and refusal to keep livestock. It notes that such peasant resistance had only a relative impact on the All-Union Communist Party (Bolsheviks)'s policy of subordinating the countryside to the interests of the Soviet state. After a brief respite, the Soviet state launched a decisive offensive against the countryside in 1929, culminating in the campaign of total collectivization in early 1930.

Key words: USSR, agrarian policy, peasantry, peasant resistance, collectivization.

References

Baranov, Ye. Yu., Kirillov, G. Ye., Labuzov, V. A. (2009). *Agrarnoye razvitiye i prodovol'stvennoye obespecheniye naseleniye Urala, 1928–1934 gg.:* monografiya [Agrarian development and food supply of the population of the Urals, 1928–1934: monograph]. Moscow: Dashkov i K°.

Danilov, V. P. (2011). *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke:* izbrannyye trudy: v 2 ch. [History of the Peasantry of Russia in the 20th Century: Selected Works: in 2 parts. Moscow: ROSSPEN.

Fitzpatrick, S. (2008). *Stalinskiye krest'yane: sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization], Moscow: ROSSPEN.

Ilinykh, V. A. (2006). Uralo-sibirskiy metod khlebozagotovok: poisk optimal'nogo varianta [Ural-Siberian grain procurement method: the search for the optimal variant]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2, 20–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uralo-sibirskiy-metod-khlebozagotovok-poisk-optimalnogo-varianta> (accessed: 11.09.2025).

Ivnitskiy, N. A. (1994). *Kollektivizatsiya i raskulachivaniye (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and Dekulakization (Early 1930s)]. Moscow: Interpraks.

Ivnitskiy, N. A. (2009) *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyy Kavkaz, Povolzh'ye, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [The Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga Region, Central Black Earth Region, Western Siberia, the Urals]. Moscow: Sobraniye.

Kondrashin, V. P. (2018). *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni* [The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian countryside], Moscow: ROSSPEN.

Maksudov, S. (2019). *Pobeda nad derevney: demograficheskiye poteri kollektivizatsii* [Victory over the countryside: demographic losses of collectivization]. Moscow; Chelyabinsk: Sotsium.

Marginaly v sovetskom sotsiume (2017). 1930-ye – seredina 1950-kh godov [Marginals in Soviet society. 1930s – mid-1950s], eds. S. A. Krasil'nikov, A. A. Shadt, 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.

Obshchestvo i vlast' (2008). Rossiyskaya provintsiya. 1917–1985: Dokumenty i materialy v 6 t. Permskiy kray. T. 1. 1917–1940 [Society and power. Russian province. 1917–1985: Documents and materials in 6 vols. Perm region. Vol. 1. 1917–1940]. Perm: Bank kul'turnoy informatsii.

Pis'ma vo vlast' (2002): Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam [Letters to the authorities: Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders], Moscow: ROSSPEN.

Sorokin, A. K. (2023). *Istoriya odnogo pravleniya. Stalin v 1917–1953 gg.: v 2 knigakh. Kniga 1: "My nash, my novyy mir postroim..."*, 1917–1938 [The History of One Reign. Stalin in 1917–1953: in 2 books. Book 1: "We will build our new world..."], 1917–1938]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Sotsial'nyy portret lishentsa (na materialakh Urala) (1996): sb. dok. [Social Portrait of a Lishenets (Based on Ural Materials): Collection of Documents], compiled by Ye. V. Bayda et al. Yekaterinburg: UrGU.

"Sovershenno sekretno": Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) (2004) ["Top Secret": Lubyanka to Stalin on the State of the Country (1922–1934)], Vol. 7: 1929 g., compiled by Yu. L. D'yakov et al., Moscow: IRI RAN.

Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD, 1918–1939 (2000): dokumenty i materialy: v 4 tomakh [The Soviet Countryside through the Eyes of

the VCHK-OGPU-NKVD, 1918–1939: Documents and Materials: in 4 volumes], Vol. 2: 1923–1929, eds. A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN.

Tragediya sovetской derevni (2000). Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939. Dokumenty i materialy: V 5 t. [The Tragedy of the Soviet Countryside. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials: In 5 vols.], Vol. 2: November 1929 – December 1930, eds. V. Danilov, R. Manning, L. Viola. Moscow: ROSSPEN.

Tragediya sovetской derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye (1999). 1927–1939. Dokumenty i materialy: V 5 t. [The Tragedy of the Soviet Countryside. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials: In 5 vols.]. Vol. 1: May 1927 – November 1929, eds. V. Danilov, R. Manning, L. Viola, Moscow: ROSSPEN.

“Tyanut s muzhika posledniye zhily...”: nalogovaya politika v derevne (1928–1937 gg.): sbornik dokumentov i materialov (2007) [“Pulling the last veins out of a peasant...”: tax policy in the countryside (1928–1937): collection of documents and materials]. Moscow: Sobraniye.

Viola, L. (2010). *Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance]. Moscow: ROSSPEN.

Vybory v sovery i formirovaniye organov vlasti v SSSR v 1929 g. (1929): sel'skiye sovery, gorodskiy sovery, s"yezdy, ispolkomy, respublikanskiye s"yezdy, TSIKy, Vsesoyuznyy s"yezd, Soyuznyy sovet, Sovet natsional'nostey: podgotovka k perevyboram i otchetno-predvybornaya kampaniya: izbirateli: chislennost', pol, sotsial'noye polozheniye, aktivnost': izbrannyye: pol, sotsial'noye polozheniye, partiynost', vozrast, gramotnost', natsional'nost': statisticheskiye materialy [Elections to the Soviets and the Formation of Authorities in the USSR in 1929: Statistical Materials]. Moscow: Vlast' Sovetov.

Submitted: 20.10.2025

Accepted: 22.11.2025

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373.612.2

МЕДИЦИНСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА Д. ТРАМПА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В. Р. Багаутдинова

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
bagautdinova.05@inbox.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу медицинских метафор, используемых для формирования образа Дональда Трампа в англоязычных СМИ (The Washington Post, ABC News, CNN, Los Angeles Times, The Guardian и др.) в период с 2015 по 2024 год. Работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, рассматривающего метафору как инструмент конструирования политической реальности, формирования общественного мнения и продвижения определенных идеологий. В процессе исследования применялись методы дискурс-анализа, метафорического моделирования, выборки, классификации и метафорического фрейминга. Как показал анализ, медицинские метафоры используются как противниками, так и сторонниками Д. Трампа. Противники описывают президента как болезнь (рак, вирус, симптом). Такие образы формируют у аудитории представление о Д. Трампе как источнике опасности, подрывающем «иммунитет демократии». В подобных контекстах медицинские метафоры приносят негативный прагматический смысл: они концептуализируют президента США как недуг, требующий «лечения» или удаления из системы. К этой группе примыкают метафоры «торговца змеиным жиром», рисующие образ эффективного манипулятора, который продает надежду, зная, что «лекарство» не работает. Иные смыслы привносят метафоры врача. Если метафоры болезни говорят о том, что Трамп разрушает «организм», то метафоры врача утверждают, что президент США — единственный, кто способен вылечить организм, даже если само лечение проходит в грубой форме.

Ключевые слова: Дональд Трамп, метафора, политический дискурс, СМИ, когнитивно-дискурсивный анализ, политическая лингвистика, концептуализация, концептуальная метафора.

1. Введение

Современные средства массовой информации играют центральную роль в формировании общественного мнения, оказывая значительное влияние на восприятие политических деятелей. Одним из наиболее эффективных инструментов этого влияния является использование метафор, которые не только упрощают сложные политические концепции, но и способствуют эмоциональному восприятию фигуры того или иного лидера

[Асланов, Котов, 2020; Баранов, Караулов, 1991; Будаев, Чудинов, 2020; Pikalo, 2008].

Метафора — это не просто фигура речи, это основа нашего восприятия мира. Она пронизывает все аспекты нашей жизни, включая язык, мышление и действия. Наша повседневная система понятий, которая определяет наше мышление и действия, сама по себе метафорична [Лакофф, Джонсон, 2004]. Метафорические концепты, которые формируют наше мышление, не ограничиваются сферой интеллекта, влияя на нашу повседневную деятельность, что обуславливает актуальность изучения образов политиков, оказывающих значительное влияние на мировую историю.

Д. Трамп является объектом активного обсуждения в медиа. Его деятельность и риторика вызывают широкий резонанс, что привлекает внимание современных исследователей [Будаев, 2023; Видерас, 2019; Лавриненко, Будаев, 2022; Латыпова, 2020; Mukhortov, Ji, 2018]. В СМИ образ Трампа представлен через разнообразные метафоры, которые могут быть как пейоративными, так и мелиоративными. Такие метафоры не только транслируют отношение к нему со стороны СМИ, но и влияют на массовое сознание, задавая определенные когнитивные модели интерпретации его действий. Изучение метафорического образа политических лидеров дает возможность понять, как язык конструирует политическую реальность, какие приемы используются для усиления того или иного нарратива. Анализ риторических стратегий, применяемых в СМИ, позволяет проследить закономерности медиадискурса и оценить его влияние на восприятие избирателями политических процессов.

Таким образом, исследование метафорического образа Дональда Трампа в СМИ способствует более глубокому пониманию механизмов формирования образа в политическом дискурсе и демонстрирует роль языка в процессе конструирования политических реалий. Также значимость исследования заключается в выявлении особенностей метафорической концептуализации президента страны в СМИ в условиях острой политической борьбы.

2. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили метафорические контексты из СМИ США и Великобритании (The Washington Post, ABC News, CNN, Los Angeles Times, The Guardian и др.) за период 2015–2024 гг.

Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивной парадигме языкознания (А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов).

В работе использованы следующие методы: выборка, классификация, описание, дискурс-анализ, метафорическое моделирование.

3. Когнитивная теория метафоры

Метафора – это способ репрезентации понятийной структуры через переносное значение, который изучается на протяжении веков, однако

единого мнения о её сущности до сих пор нет. В языкознание этот термин пришёл из риторики, где метафора рассматривалась как отклонение от нормы — перенос названия одного предмета на другой с целью восполнения лексических пробелов и усиления убедительности речи.

Метафорическое употребление выражений обусловлено правилами языка, которые диктуют их восприятие. Однако, несмотря на существование языковых норм, «правила языка оставляют широкий простор для варьирования, индивидуальной инициативы и творчества» [Блэк, 1990, с. 157]. Интерпретация метафор нередко требует учета языковых норм и конкретных обстоятельств их использования. Согласно этой точке зрения, метафорическое выражение представляет собой результат преобразования его буквального смысла. В рамках данной теории предполагается, что любые тропы, связанные с изменением смысла, возникают вследствие трансформации исходного значения. Говорящий передает не прямой смысл, а его модификацию, тогда как слушателю или читателю необходимо восстановить первоначальный смысл.

Важно учитывать, что метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы [Маккормак, 1990, с. 363]. При попытке интерпретировать «метафору взаимодействия» простым языком возникает сложность в передаче полного когнитивного содержания. Хотя можно выявить взаимосвязи между участниками взаимодействия, буквальный пересказ не сможет обеспечить ту же глубину понимания, что и оригинальное метафорическое выражение. С точки зрения когнитивистов, метафора играет ключевую роль не только в языке, но и в процессе мышления. Повседневные метафоры помогают человеку структурировать окружающую действительность, оказывая влияние на его интеллектуальную деятельность и поведение. Метафора представляет собой способ осмысления и переживания явлений одного типа через призму явлений другого типа. Её проявление не ограничивается лишь языковой сферой, так как мышление человека во многом носит метафорический характер.

Современная когнитивная теория метафоры основывается на идеях Дж. Лакоффа и М. Джонсона, изложенных в книге *Metaphors We Live by* [Lakoff, Johnson, 1980]. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчёркивают, что метафора – не просто стилистический приём, а фундаментальный когнитивный механизм. Метафорические выражения в языке системно соотносены с метафорическими концептами, поэтому «мы можем использовать метафорические выражения для изучения природы метафорических концептов и для понимания метафорической природы человеческой деятельности» [1980, с. 28]. В этой концепции метафора пронизывает мышление, организуя опыт и знания: при «однаправленной метафорической проекции» элементы знакомой сферы-источника структурируют менее понятную сферу-мишень. Такая теория позволяет рассматривать метафору как связую-

щую звено между языком, мышлением и культурой, выходя за пределы чисто речевого анализа. Метафоры представляют собой не просто языковые выражения, а устойчивые соответствия между концептуальными доменами. На концептуальном уровне она связывает область-источник (source domain) и область-цель (target domain), позволяя переносить структуру одной области на другую.

Метафоры способствуют формированию новых ментальных категорий, созданию концептуальных систем и усвоению новых знаний. Согласно когнитивному подходу, все значения взаимосвязаны посредством метафорических переносов. Это означает, что понятийная система человека организуется и структурируется посредством метафор. Именно наличие метафор в системе понятий делает возможным их выражение в языке. Ценности, глубоко укоренённые в культуре, находятся в согласии с метафорической картиной мира, но вместе с тем метафорический репертуар в СМИ сильно зависит от ситуативных факторов [Будаев, Пологова, 2023].

А. П. Чудинов [2001] также рассматривает метафору как когнитивное явление. В своей монографии он выделяет концептуальные сферы-источники («дом», «родство», «болезнь», «растение», «война», «преступность» и др.) и показывает, как через эти метафоры конструируется национальное самосознание. Именно анализ таких концептуальных моделей метафор и их регулярной многозначности раскрывает «истинную картину национального самосознания»: «В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование — это отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи относящихся к совершенно иной понятийной области сценариев, фреймов и слотов» [Чудинов, 2001, с. 48].

Таким образом, когнитивная теория метафоры позволяет рассматривать метафору как универсальный механизм познания, организации и трансляции знаний, а не как украшение речи.

4. Направления исследования метафор в СМИ

Исследование метафор в средствах массовой информации представляет собой важное направление в современной лингвистике и когнитивной науке. Метафора — это мощный инструмент для формирования общественного мнения, интерпретации социальных и политических событий, а также для манипуляции сознанием аудитории. С их помощью создаются особые образы, которые могут значительно повлиять на восприятие действительности и изменение установок и взглядов людей.

Среди множества существующих подходов к изучению метафор в СМИ можно выделить несколько ключевых. Одним из таких подходов является когнитивный, который акцентирует внимание на анализе метафор в контексте их структурной и функциональной организации. Анализ метафор в СМИ позволяет лучше понимать механизмы идеологического воз-

действия на аудиторию, так как метафора — универсальное средство воздействия на человеческое сознание и подсознание. Когнитивный анализ метафор ориентирован на выявление источниковых и целевых доменов метафор. Источник метафоры — это понятие, из которого заимствован образ, а целевой домен — это понятие, к которому метафора применяется.

Другим важным аспектом анализа метафор является их прагматическая функция. И. М. Кобозева [2001] предлагает использовать прагматический подход для исследования метафор в политическом дискурсе. В рамках этого подхода метафоры рассматриваются как инструменты, которые выполняют различные коммуникативные функции, такие как убеждение, манипуляция или легитимация власти. Например, метафора «политическая битва» может быть использована для демонстрации политической борьбы, усиления важности политических событий или создания у аудитории ощущения остроты конфликта. Метафоры могут использоваться для того, чтобы подчеркнуть эмоциональную напряженность ситуации, таким образом усиливая восприятие определенных событий как важнейших и значительных. В этом контексте метафоры могут не просто представлять информацию, но и активно влиять на формирование отношений и взглядов аудитории.

Интересным подходом, который используется для анализа метафор в тексте СМИ, является метод метафорического фрейминга, связанный созданием определенных рамок восприятия событий через метафорические конструкции [Нагорная, 2021; Скрынникова, 2023; Benoit, 2001; The Effects, 2017]. Методика анализа метафорического фрейминга в СМИ основывается на достижениях когнитивной лингвистики, дискурс-анализа и прагматики. Эти подходы позволяют не только выявить метафорические выражения, но и понять их функцию в общественном сознании, а также рассмотреть их роль в формировании определенных ценностей, норм и идеологий. Метафоры позволяют сделать сложные или абстрактные явления более понятными и доступными для широкой аудитории, но в то же время они могут использоваться для того, чтобы повлиять на восприятие и трактовку событий, порой искажая реальность.

Согласно И. А. Асланову и А. А. Котову [2020], метафорический фрейминг играет ключевую роль в оценке событий и управлении реакцией аудитории. Фрейминг — это процесс выбора и акцентирования тех аспектов события, которые могут влиять на восприятие и оценку этого события аудиторией. Метафоры, используемые в СМИ, помогают организовать восприятие событий в определенную рамку, тем самым направляя внимание аудитории на важные детали и снижая значимость других, менее выгодных для авторов текста аспектов. Например, политическая ситуация может быть представлена как "катастрофа" или "неудача", что создаст у аудитории ощущение неотвратимости кризиса, или, наоборот, как "новая возможность", что будет воспринято как перспектива для улучшения.

Методы анализа метафор в СМИ могут быть различными и включают в себя как качественные, так и количественные подходы. А. П. Чудинов [2006] выделяет несколько методов анализа метафор, которые могут быть использованы для глубокого понимания их функционирования в текстах СМИ. Одним из таких методов является количественный анализ, который заключается в подсчете частотности употребления метафорических выражений в тексте. Этот метод позволяет определить, какие метафоры являются наиболее распространенными в определенный исторический или политический период, а также выявить, какие метафоры становятся доминирующими в определенные моменты времени.

Другим методом является контекстуальный анализ, который заключается в исследовании окружающего текста для выявления имплицитных значений метафор. Важно не только выявить саму метафору, но и понять, как она функционирует в контексте всего текста, а также как другие элементы текста поддерживают или изменяют значение метафоры. Контекстуальный анализ помогает глубже понять, как различные социальные, политические или культурные факторы влияют на использование тех или иных метафор в СМИ, в том числе с использованием методик критического анализа дискурса [Будаев, 2016; Гаврилова, 2003].

Сравнительный анализ — еще один важный метод исследования метафор. Он позволяет анализировать метафоры, используемые в разных источниках информации или в разные исторические периоды. Такой подход помогает выявить изменения в восприятии событий, а также увидеть, как метафоры отражают изменения в общественном сознании и в политической ситуации.

А. П. Чудинов подчёркивает антропоцентризм политической метафоры: «Создаваемая человеком метафорическая картина политического мира в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [Чудинов, 2001, с. 58]. Такая модель ориентирует анализ на выделение «ментальных областей-источников» и «ментальных областей-мишеней» в тексте (источник – привычная человеку сфера, мишень – переносимое понятие). Методика Чудинова предполагает описание исходной и целевой сфер (понятийных базисов метафоры) с учётом регулярной многозначности. На практике это может включать выделение метафорических схем, подсчёт употреблений ключевых концептов и построение их онтологической схемы.

Таким образом, комплексный анализ метафор в СМИ, включающий когнитивный, прагматический и количественно-дискурсивный подходы, а также методику Чудинова, позволяет выявить механизмы формирования

общественного мнения, управления восприятием событий и использования языковых средств для воздействия на аудиторию. Метафоры — это не просто стилистический прием, а мощный инструмент, влияющий на мышление и поведение людей, формирующий образы и концептуальные рамки, определяющие восприятие действительности.

5. Анализ метафор из сферы-источника «Medicine»

Среди метафорических описаний Трампа часто фигурируют медицинские термины. Так, бывший губернатор Техаса Рик Перри охарактеризовал кандидатуру Трампа как «раковое новообразование на консерватизме». Здесь термин из области медицины используется для осмысления политики Д. Трампа как разрушающей и вредоносной для консервативных ценностей. Ср.:

Let no one be mistaken Donald Trump's candidacy is a cancer on conservatism and it must be clearly diagnosed, excised, and discarded (ABC News, 23.07.2015).

В следующем примере политика Д. Трампа сравнивается с раком печени.

Эта метафора представляет собой жесткую политическую критику, в которой Трамп рассматривается не как временное явление, а как симптом глубокой болезни общества. Упоминание рака печени (важного органа очистки организма) символизирует, что Д. Трамп «поразил» жизненно важные механизмы государственного управления. Печень фильтрует токсины; если она сама становится источником «рака», «организм» (страна) перестает очищаться от политических ядов. Главная мысль в том, что Д. Трамп как личность стал вторичен, так как его идеи, методы и риторика распространились по всей политической системе. Даже если сам Трамп уйдет со сцены, «клетки» его политики уже живут в других институтах, партиях и умах избирателей. Метафора предупреждает, что проблема не в одном человеке, а в трансформации всей политической среды, которая стала восприимчива к подобному стилю лидерства. Личность стала менее важна, чем созданный ею прецедент.

Trump is now secondary to the cancer. Trump is like a cancer of the liver. Now we have in the whole body, and the next person that can mimic Trump can still pull his magic tricks (The Washington Post, 23.07.2022).

Аналогичным образом колумнист газеты The Guardian Люсия Грейвс написала, что уместнее представить Трампа «автоиммунным заболеванием» для общества. Этот образ указывает на то, что политический организм (общество, правительство) начинает воспринимать собственную систему как врага и разрушает себя сам. Ср.:

But the way this election is shaping up, the better analogy might be an autoimmune disease. Such illnesses result from our body's natural defenses being marshalled against it with destructive results. Trump is exploiting our political

immune system to the detriment and potentially grave peril of the republic (The Guardian, 25.09.2016).

На дебатах демократов Энтони Янг (Андрю Янг) заявил, что Дональд Трамп представлен не как первопричина общественно-политического кризиса, а как симптом глубокой болезни, накопившейся в теле американского общества. Это метафорическое высказывание строится на концептуальной модели «общество — организм», где социальные и политические патологии подобны заболеваниям организма. Ср.:

Donald Trump... is a symptom of a disease that has been building up in our communities for years and decades, and it is our job... of actually curing the disease (Reuters, 08.02.2020).

Сторонник Трампа тоже использует медицинские метафоры, но президент сравнивается не с болезнью, а врачом. Так, экс-губернатор Майк Хакаби похвалил Трампа, сравнив его с доктором, который общается грубовато, но эффективно. Метафора, описывающая Трампа как «врача с плохими манерами», указывает на недостатки его стиля (резкость, грубость, недипломатичность), и делит политиков на две категории: 1) приятные, но некомпетентные, то есть те, кто вежлив и соблюдает этикет, но чьи действия ведут страну к «гибели» (экономическому упадку или потере позиций); 2) грубые, но эффективные. Д. Трамп представляется как хирург, который может нахамить, но «вырежет опухоль» и спасет жизнь. Ср.:

President Donald Trump is like a doctor with a bad bedside manner – but that's better than one who's nice but my family member dies in the hospital bed (The Hill, 19.06.2017).

Таким образом, выстраивается приоритет результата над процессом. Главный посыл в том, что в кризисной ситуации (в «больнице») вежливость вторична по сравнению с выживанием. Сторонники Трампа часто используют этот аргумент, утверждая, что его политика важнее его личности. Майк Хакаби заявил, что в Америке нужен результат, а не улыбки. Также в ходе опросов избиратели часто сравнивали Трампа с «высокомерным хирургом», которому они готовы доверить операцию, несмотря на его характер.

Журналист Дж. Шафер называет Трампа «торговцем змеиным жиром» (snake-oil salesman) (идиома для шарлатана, продающего «лекарства», не приносящие пользы). Эта метафора переводит обсуждение Трампа в плоскость рыночного мошенничества. В истории США такие люди ездили по городам и продавали поддельные снадобья, обещая исцеление от всех болезней. Использование этого образа по отношению к Трампу означает, что его политические обещания воспринимаются автором как заведомый обман — красивые лозунги, за которыми скрывается «пустышка». Ср.:

Mr. Trump grandstands like a snake-oil salesman, squandering his formidable charisma and communication skills in favor of ego, selfishness and false promises (Politico Magazine, 16.08.2018).

Глагол *grandstands* подчеркивает, что действия Трампа продиктованы не стремлением к результату, а желанием сорвать аплодисменты. Это акцент на театральности и самолюбовании в ущерб государственному управлению. Метафора *squandering charisma* признает наличие у Трампа выдающихся способностей — «грозной харизмы» и навыков общения. Однако автор утверждает, что эти инструменты используются не для блага страны, а для обслуживания эго и корыстных интересов. Упоминание «себялюбия» и «ложных обещаний» завершает образ мошенника, который настолько увлечен собственной персоной, что теряет связь с реальностью или нуждами избирателей. Подобную риторику часто используют критики Трампа из числа традиционных консерваторов или бизнес-элиты, которые подчеркивают разрыв между его талантом убеждать людей и реальным качеством предлагаемых им решений.

6. Заключение

Результаты анализа указывают на активную роль медицинских метафор в конструировании политического образа Д. Трампа. Метафора выступает мощным инструментом, позволяющим СМИ формировать у аудитории целенаправленное представление о политике. Через перенос свойств из знакомых сфер-источников на образ Трампа создаются устойчивые смысловые конструкты, которые усиливают эмоциональное влияние на читателя.

Метафоры из сферы медицины используются как противниками, так и сторонниками Дональда Трампа. Противники описывают президента как болезнь (рак, вирус, симптом). Эти образы формируют у аудитории представление о Д. Трампе как источнике опасности, подрывающем «иммунитет демократии». В таких контекстах медицинские метафоры приносят негативный прагматический смысл: они концептуализируют президента США как симптом, требующий «лечения» или удаления из системы. К этой группе примыкают метафоры торговца змеиным жиром, рисующие образ эффективного манипулятора, который продает надежду, зная, что «лекарство» не работает. Иные смыслы приносят метафоры врача. Если метафоры болезни говорят о том, что Трамп разрушает «организм», то метафоры врача утверждают, что он — единственный, кто способен его вылечить, даже если само лечение проходит в грубой форме.

Средства массовой информации, выступая архитекторами публичного дискурса, формируют идеологически окрашенный образ Дональда Трампа посредством медицинских метафор. Выбор концептуальных фреймов отражает установки самих СМИ: одни героизируют политика, другие акцентируют агрессивные стороны его характера. Таким образом, медийный дискурс задаёт акценты и придаёт фигуре Д. Трампа определённую тональность, влияя на массовое сознание.

Метафора в медийном дискурсе Трампа выступает стратегическим приёмом конструирования образа, через который СМИ транслируют свои

идеологические послылы и воздействуют на массовое сознание. Это подчёркивает важность комплексного дискурс-анализа метафор при изучении современных политических образов. Полученные выводы вносят вклад в понимание языковых механизмов политической коммуникации и могут быть использованы для дальнейших исследований образа политических лидеров в медиапространстве.

Список литературы

Асланов, И. А. Влияние метафорического фрейминга на оценку суждений о примере категории / И. А. Асланов, А. А. Котов. – Текст : непосредственный // Психологические исследования. – 2020. – Т. 13, № 72. – С. 1–13.

Баранов, А.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : Ин-т русского языка РАН, 1991. – 193 с. – Текст : непосредственный.

Блэк, М. Теория метафоры / М. Блэк. – Москва : Прогресс, 1990. – 516 с. – Текст : непосредственный.

Будаев, Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 12–17.

Будаев, Э. В. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом нарративе "BLM movement" (по материалам газеты "The Seattle Times") / Э. В. Будаев, К. В. Пологова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. 2023. – № 1 (97). – С. 42–49.

Будаев, Э. В. Монархические метафоры как механизм концептуализации Д. Трампа в СМИ России / Э. В. Будаев. – Текст : непосредственный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2023. – № 1. – С. 34–49.

Будаев, Э. В. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010-2019 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 56–70. – Текст : непосредственный.

Видерас, С. Ф. Метафора и сравнение как средства речевого воздействия (на материале аналитических статей о победе Дональда Трампа на выборах США) / С. Ф. Видерас. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 3. – С. 6–12.

Гаврилова, М. В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике / М. В. Гаврилова. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2003. – 23 с. – Текст : непосредственный.

Кобозева, И. М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ / И. М. Кобозева. – Текст :

непосредственный // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции 25-27 октября 2001 г. / Под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремневой. – Москва : Издательство МГУ, 2001. – С. 78–80.

Лавриненко, Е. М., Милитарные метафоры как механизм концептуализации Д. Трампа В СМИ России / Е. М. Лавриненко, Э. В. Будаев // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2022. – № 4. – С. 27–40.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : УРСС, 2004. – 252 с. – Текст : непосредственный.

Латыпова, Ю. А. Метафора как средство воздействия на избирателей (на примере предвыборного дискурса Джо Байдена и Дональда Трампа) / Ю. А. Латыпова. – Текст : непосредственный. // Теория и практика современной науки. – 2020. – № 12 (66). – С. 168–171.

Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак. – Текст : непосредственный // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 358–386.

Нагорная, А. В. Метафорический фрейминг пандемии Covid-19 / А. В. Нагорная. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 469. – С. 28–35.

Скрынникова, И. В. Экспланаторная функция метафоры в (ре)фрейминге климатических изменений / И. В. Скрынникова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3–1 (54). С. 223–227.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001 – 238 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : Наука, 2006. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Benoit, W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses / W. L. Benoit. – Текст : непосредственный // Communication Studies. – 2001. – Vol. 52. – P. 70–84.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p. – Текст : непосредственный.

Mukhortov D. S., Ji X. Metaphor clustering in American presidential inaugurals: from George H.W. Bush to Donald Trump / D. S. Mukhortov, X. Ji. – Текст : непосредственный // Moscow University Philology Bulletin. – 2018. – № 3. – С. 39–72.

Pikalo, J. Mechanical Metaphors in Politics / J. Pikalo. – Текст : непосредственный // Political Language and Metaphor: Interpreting and

Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 41–54. – Текст : непосредственный.

The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review / A. Bоеунаems, Ch. Burgers, E. Konijn, G. Steen. – Текст : непосредственный // *Metaphor and Symbol*. – 2017. – No. 2. Vol. 32. – P. 118–134.

Получена: 17.09.2025

Принята: 26.10.2025

MEDICAL METAPHORS AS A MEANS OF SHAPING DONALD TRUMP'S IMAGE IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

V. R. Bagautdinova

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia
bagautdinova.05@inbox.ru

Abstract. The article analyzes medical metaphors used to shape the image of Donald Trump in English-language media (The Washington Post, ABC News, CNN, Los Angeles Times, The Guardian, etc.) from 2015 to 2024. The study is conducted within a cognitive-discursive framework, viewing metaphor as a tool for constructing political reality, shaping public opinion, and promoting specific ideologies. The research employs methods of discourse analysis, metaphorical modeling, sampling, classification, and metaphorical framing. The analysis demonstrates that medical metaphors are utilized by both opponents and supporters of Donald Trump. Opponents depict the president as a disease (*cancer, virus, symptom*). Such imagery fosters a perception of Trump as a source of danger undermining the 'immunity of democracy.' In these contexts, medical metaphors carry a negative pragmatic meaning: they conceptualize the U.S. President as an ailment requiring 'treatment' or removal from the system. This group is complemented by 'snake-oil salesman' metaphors, which portray an image of an effective manipulator selling hope while knowing the 'cure' does not work. Metaphors of the doctor, however, introduce different meanings. While disease metaphors suggest that Trump is destroying the 'organism,' doctor metaphors assert that the U.S. President is the only one capable of healing the body politic, even if the treatment itself is delivered in a harsh manner.

Key words: Donald Trump, metaphor, political discourse, mass media, cognitive-discursive analysis, political linguistics, conceptualization, conceptual metaphor.

References

Aslanov, I. A., & Kotov, A. A. (2020). Vliyanie metaforicheskogo freiminga na otsenku suzhdenii o primere kategorii [The influence of metaphorical framing on the evaluation of category-based judgments]. *Psikhologicheskie isledovaniya*, 13(72), 1–13.

Baranov, A. N., & Karaulov, Yu. N. (1991). *Russkaya politicheskaya metafora: Materialy k slovaryu* [Russian political metaphor: Materials for a dictionary]. Institute of the Russian Language, RAS.

Benoit, W. L. (2001). Framing through temporal metaphor: The “bridges” of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses. *Communication Studies*, 52, 70–84.

Black, M. (1990). *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Progress.

Boeynaems, A., Burgers, C., Konijn, E., & Steen, G. (2017). The effects of metaphorical framing on political persuasion: A systematic literature review. *Metaphor and Symbol*, 32(2), 118–134.

Budaev, E. V. (2016). Kriticheskii analiz politicheskogo diskursa: Osnovnye napravleniya sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Critical analysis of political discourse: Main directions of contemporary foreign studies]. *Politicheskaya lingvistika*, 6(60), 12–17.

Budaev, E. V. (2023). Monarkhicheskie metafory kak mekhanizm kontseptualizatsii D. Trampa v SMI Rossii [Monarchical metaphors as a mechanism for conceptualizing D. Trump in Russian media]. *Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya*, 1, 34–49.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2020). Politicheskaya metaforologiya na sovremennom etape razvitiya (2010–2019 gg.) [Political metaphor studies at the present stage of development (2010–2019)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 3, 56–70.

Budaev, E. V., & Pologova, K. V. (2023). Metafory so sferoi-istochnikom “Nezhivaya priroda” v politicheskom narrative “BLM movement” (po materialam gazety “The Seattle Times”) [Source-domain “Inanimate nature” metaphors in the political narrative of the BLM movement (based on The Seattle Times)]. *Politicheskaya lingvistika*, 1(97), 42–49.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ural State Pedagogical University.

Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Nauka.

Gavrilova, M. V. (2003). *Kriticheskii diskurs-analiz v sovremennoi zarubezhnoi lingvistike* [Critical discourse analysis in contemporary foreign linguistics]. Saint Petersburg State University Press.

Kobozeva, I. M. (2001). Pragmaticheskii podkhod k identifikatsii metafory v politicheskom diskurse SMI [A pragmatic approach to identifying metaphor in political media discourse]. In M. N. Volodina & M. L. Remneva (Eds.), *Yazyk sredstv massovoi informatsii kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Mass media language as an object of interdisciplinary research] (pp. 78–80). Moscow State University Press.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.

Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. URSS.

Latypova, Yu. A. (2020). Metafora kak sredstvo vozdeistviya na izbiratelei (na primere predvybornogo diskursa Dzho Baidena i Donalda Trampa) [Metaphor as a means of influencing voters (based on the campaign discourse of Joe Biden and Donald Trump)]. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*, 12(66), 168–171.

Lavrinenko, E. M., & Budaev, E. V. (2022). Militarnye metafori kak mekhanizm kontseptualizatsii D. Trampa v SMI Rossii [Military metaphors as a mechanism for conceptualizing D. Trump in Russian media]. *Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya*, 4, 27–40.

MacCormac, E. (1990). Kognitivnaya teoriya metafori [Cognitive theory of metaphor]. In N. D. Arutyunova & M. A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafori* [Theory of metaphor] (pp. 358–386). Progress.

Mukhortov, D. S., & Ji, X. (2018). Metaphor clustering in American presidential inaugurals: From George H. W. Bush to Donald Trump. *Moscow University Philology Bulletin*, 3, 39–72.

Nagornaya, A. V. (2021). Metaforicheskiei freiming pandemii COVID-19 [Metaphorical framing of the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 469, 28–35.

Pikalo, J. (2008). Mechanical metaphors in politics. In T. Carver & J. Pikalo (Eds.), *Political language and metaphor: Interpreting and changing the world* (pp. 41–54). Routledge.

Skrynnikova, I. V. (2023). Eksplanatornaya funktsiya metafori v (re)freiminge klimaticheskikh izmenenii [The explanatory function of metaphor in (re)framing climate change]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 3–1(54), 223–227.

Videras, S. F. (2019). Metafora i sravnenie kak sredstva rechevogo vozdeistviya (na materiale analiticheskikh statei o pobede Donalda Trampa na vyborakh SShA) [Metaphor and comparison as means of persuasive influence (based on analytical articles about Donald Trump's election victory in the USA)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 3, 6–12.

Submitted: 17.09.2025

Accepted: 26.10.2025

УДК 821.161.1.09-1

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ В ТЕКСТАХ ГРУППЫ «БОНД С КНОПКОЙ»

С. А. Еловикова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Нижний Тагил, Россия
0_yelovikova_0@mail.ru

Г. А. Авдеева

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Нижний Тагил, Россия
g_avdeeva_64@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации ключевых художественных образов в песенной лирике группы «Бонд с кнопкой». Актуальность исследования обусловлена необходимостью литературоведческого осмысления современной рок-поэзии, сочетающей приемы классической поэтики с постмодернистской эклектикой. Для отбора материала исследования использован метод сплошной выборки. С помощью описательного и контекстного методов, а также процедур классификации и типологизации автором реконструирована многоуровневая образная система коллектива.

Исследование выявило специфику образной системы текстов рок-поэзии: доминируют природно-стихийные мотивы, выполняющие одновременно символическую и эмоционально-выразительную функции; устойчивы урбанистические сюжеты, отражающие современное восприятие городского пространства; философско-религиозные образы фиксируют глубину мировоззренческих поисков авторов. Образная картина у Ильи Золотухина обнаруживает целостность и внутреннюю логику развития: образы взаимосвязаны в сложную сеть, а приемы контраста и парадокса усиливают поэтическую выразительность текстов.

Ключевые слова: рок-поэзия, «Бонд с кнопкой», Илья Золотухин, художественный образ, песенная лирика, типология образов, урбанистические мотивы, природные стихии, современная литература.

1. Введение

Понятие «образ» носит междисциплинарный характер и интерпретируется по-разному в зависимости от научной традиции.

В философии и психологии образ понимается как «конкретные представления», отражение единичных предметов в их чувственно-воспринимаемом облике; такие образы противостоят абстрактным категориям, разграничивая чувственно-образную и понятийно-логическую формы освоения мира [Потебня, 1990, с. 45–47].

В эстетической парадигме художественный образ рассматривается как ключевой способ чувственно-образного познания действительности. Так, согласно «Большому толковому словарю по культурологии», образ представляет собой «язык искусства, обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления; тип, характер, созданный писателем, художником, артистом» [Конonenko, 2003, с. 407]. В современной иллюстрированной энциклопедии «Искусство» образ трактуется как «форма воспроизведения, осмысления и переживания явлений жизни путем создания эстетически воздействующих объектов (картин, скульптур и т. д.)» [Балицкая, 2007, с. 143].

Анализ существующих толкований понятия «художественный образ» позволяет выделить его существенное свойство: он не тождествен объективному знанию: в искусстве образ выступает субъективно осмысленным отражением реальности. В отличие от науки, которая исследует объективные законы природы и общества, искусство передает индивидуальное восприятие художника, его эмоции и внутренний мир. Именно поэтому художественный образ всегда содержит нечто недосказанное, позволяя каждому зрителю или читателю интерпретировать его по-своему в зависимости от эпохи и личного опыта.

Важнейшие характеристики субъективности художественного образа подчеркнуты в трудах В. Е. Хализева и Г. Н. Пospelова. Так, В. Е. Хализев подчеркивает, что художественные образы принципиально отличаются от простого воспроизведения фактов, поскольку «создаются при явном участии воображения: они не просто воспроизводят единичные факты, но сгущают, концентрируют существенные для автора стороны жизни во имя ее оценивающего осмысления» [Хализев, 1999, с. 112]. Г. Н. Пospelов обращает внимание на эмоциональность как ключевое свойство художественного образа: «Художественные образы отличаются эмоциональной выразительностью» [Пospelов, 1965, с. 30]. Именно это свойство художественного образа вызывать ответное эмоциональное движение становится определяющим в рамках данного исследования.

В структуре литературного произведения художественный образ функционирует как основная смыслообразующая единица: через систему образов реализуются сюжет, характеры, пейзаж, интерьер и идейный замысел автора. Поэтому образ одновременно является средством познания и способом творческого преобразования действительности [Роднянская, 1968, с. 210].

Многообразие образов в литературе порождает потребность в их систематизации; выбор методики классификации зависит от теоретической позиции исследователя. В отечественной советской традиции, ориентированной на русскую классику и реализм XX в., центральное место отводилось образу человека, тогда как иные компоненты (пейзаж, быт) рассматривались как вспомогательные, подчиненные главной задаче изображения

человеческой личности. Так, В. П. Мещеряков настаивал на том, что понятие «художественный образ» должно включать прежде всего «изображение персонажей-людей» [Мещеряков, 2003, с. 170].

В основе классификации лежит двойственная природа образа: его языковое выражение и его внутренняя смысловая структура.

А. И. Ефимов предложил принципиальное разграничение литературных образов (характеры персонажей) и речевых образов (средства художественной выразительности). При этом ученый отводил ведущую роль именно речевой образности, утверждая, что «собственно художественное значение литературного произведения достигается прежде всего благодаря речевой образности» [Ефимов, 1957, с. 93].

Альтернативную точку зрения высказывает П. В. Палиевский, критикуя сведения художественного образа исключительно к языковым средствам. По его мнению, образ представляет собой более сложное структурное образование, включающее различные компоненты. Исследователь определяет художественный образ как «сложную взаимосвязь деталей конкретно-чувственной формы», «систему образных деталей, находящихся в сложном взаимоотражении, благодаря чему создается нечто существенно новое, обладающее колоссальной содержательной емкостью» [Палиевский, 1962, с. 96].

Согласно концепции В. М. Кожевникова, представленной в «Литературном энциклопедическом словаре», систему художественных образов принято разделять на три уровня: предметный, структурный и обобщенно-смысловой [Литературный энциклопедический словарь, 1987].

А. И. Николаев выстраивает иерархию образов по принципу их усложнения. Основанием системы служит словесная образность (тропы и стилистические фигуры), из которой складываются образы-детали. Более высоким уровнем автор считает композиционные образы (пейзаж, интерьер и др.), объединяющие детали в единую картину. Высшим звеном выступают образные гиперсистемы (архетипы, топосы), формирующие целостный «образ мира» писателя: «Наиболее сложной образной гиперсистемой является образ мира у того или иного автора, складывающийся из взаимодействия всех образов всех произведений» [Николаев, 2011, с. 123].

Таким образом, интеграция рассмотренных подходов позволит нам детально описать и классифицировать ключевые образы в современной песенной поэзии.

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили тексты песен группы «Бонд с кнопкой». Анализ материала предполагал выявление ключевых образов и их роли в формировании смыслового пространства текстов группы.

Теоретические методы анализа и синтеза были использованы для наблюдения за текстами, обобщения данных и систематизации материала. Для отбора ключевых образов применялся метод сплошной выборки. Первичный анализ исследуемого материала был выполнен с использованием описательного метода. Метод классификации и типологизации ключевых образов применялся для распределения отобранных примеров на группы по ряду параметров. Анализ ключевых образов в контексте составленного сборника текстов осуществлялся с помощью метода контекстного анализа.

3. Ключевые образы в текстах группы «Бонд с кнопкой»

3.1. Образы природы и стихии в текстах группы «Бонд с кнопкой»

Творчество группы «Бонд с кнопкой» представляет собой уникальное явление в современной русскоязычной музыке, где глубокие философские размышления переплетаются с яркой поэтической образностью. Илья Золотухин, автор текстов, подчеркивает, что его цель – не навязывать определенный смысл, а дать слушателям возможность интерпретировать тексты через призму своего жизненного опыта.

Особое место в песенных текстах занимают образы природы и стихий, которые не просто создают атмосферу, но и становятся полноценными «персонажами», участвующими в раскрытии основных тем. В данной части работы мы проведем детальный анализ этих образов, рассматривая их символическое значение, связь с эмоциональным состоянием лирических героев и философскими концепциями, заложенными в текстах.

Образ воды в творчестве группы многогранен и несет в себе несколько взаимосвязанных значений. В тексте «Море» водная стихия предстает как пространство ностальгии и утраты. Повторяющийся рефрен «*Пойдем домой брат, / Домой брат, / К морю*» звучит как заклинание, как попытка вернуться к чему-то безвозвратно утраченному. Характерно, что море здесь не жизнерадостное и солнечное, а скорее меланхоличное: «*И плыли дни / Не те, не те, / И ты была, / Не тем, не с тем*». Вода становится хранителем памяти, но одновременно – символом невозможности вернуть прошлое.

Интересно развитие этого образа в тексте «Спутник», где вода приобретает космические масштабы: «*Мы на дне вселенной / Ненужные части уравнений*». Здесь морская глубина трансформируется в метафору экзистенциального одиночества, где человек оказывается затерянным в бескрайних просторах мироздания. Вода больше не несет спасительной прохлады, а становится средой абсолютного отчуждения: «*Не видим друг друга / Мы как полярники / От солнца до Арктики*».

Огненная стихия в текстах группы представлена в двух основных ипостасях – как сила разрушения и как средство очищения. В тексте «Жечь!» огонь – это радикальный способ освобождения: «*Жечь! / Обернись – / То ли смерть стоит, / То ли жмут долги*». Примечательна неопределенность выбора: герой готов к крайним мерам, но не вполне ясно,

от чего именно он пытается избавиться. Это создает ощущение экзистенциального кризиса, где огонь становится последним способом самоопределения.

В «Интернационале» огонь приобретает политические коннотации: «*Сжег / Свой дом, – / Пепел вдоль дорог*». Здесь сжигание дома можно интерпретировать как отказ от прежних идеалов и начало нового пути. Однако фраза «*У нас будет новый бог / И очень старая земля*» указывает на цикличность этого процесса: разрушение старого не гарантирует появления чего-то принципиально нового.

Образы ветра, холода и зимней стихии в песнях группы неизменно связаны с темами одиночества и экзистенциальной тревоги. В тексте «В темноте» ветер становится почти осязаемым: «*Ветер мне на плечи рухнул. / Объясняя все, / Но частично*». Эта неполнота объяснения подчеркивает невозможность рационального осмысления бытия. Характерно, что герой «превращается в тень» – образ, перекликающийся с платоновской пещерой, где человек имеет дело лишь с тенями истинной реальности.

Зима в одноименном тексте – это не просто время года, а состояние души: «*Я устал без вас коротать свой век. / Может быть зима, может просто снег*». Интересна неопределенность этого признания: герой сам не может понять, что именно вызывает его тоску: природное явление или внутреннее состояние. Снег здесь становится метафорой душевной опустошенности, где «белый стих» превращается в символ творческого и эмоционального ступора.

Образ земли в песнях группы тесно связан с мотивами смертности и поиска опоры. В тексте «Птиц» земля становится последним прибежищем: «*Если земля / Не будет держать / Схватись за меня*». Этот образ физической опоры перерастает в метафору человеческих отношений как единственной защиты перед лицом небытия. Характерно сравнение людей с камнями – это одновременно и символ прочности, и намек на окаменелость, потерю жизненности.

В «Черно-белый» земля упоминается в контексте утраты смысла: «*Ты сам теряешь значение*». Этот образ перекликается с еклезиастовским «все суета»: земля больше не кормит и не дает опоры, а становится местом экзистенциального кризиса.

Анализируя природные образы в творчестве Ильи Золотухина, нельзя не заметить их циклический характер. Стихии постоянно переходят друг в друга: вода замерзает («Лед»), огонь гаснет, оставляя пепел («Интернационал»), земля то дает опору, то отказывает в ней. Этот круговорот можно интерпретировать через ницшеанскую концепцию вечного возвращения: герои обречены переживать одни и те же состояния, но каждый раз с новым осмыслением.

Особенно показателен в этом плане **образ горизонта** в песне «Радость»: «*Линии параллельны к горизонту*». Горизонт как граница видимого

мира становится символом предела человеческих возможностей – к нему можно бесконечно приближаться, но нельзя достичь. Это создает своеобразную поэтику «бесконечного приближения», где сам процесс движения важнее результата.

Образы природы в творчестве «Бонда с кнопкой» выходят далеко за рамки простых описаний или фоновых элементов. Каждая стихия становится активным участником повествования, многогранным символом, философской категорией.

Через эти образы авторы исследуют фундаментальные вопросы человеческого существования: проблему одиночества, поиска смысла, взаимоотношений времени и памяти. Примечательно, что природа у «Бонда с кнопкой» никогда не бывает нейтральной или просто красивой – она всегда эмоционально заряжена, часто враждебна, но именно поэтому становится идеальным зеркалом для отражения сложных душевных состояний.

Этот глубокий симбиоз природных образов и философского содержания делает тексты группы уникальным явлением в современной музыке, где поэзия становится способом экзистенциального поиска, а стихи – его полноправными участниками.

3.2. Урбанистические и бытовые образы в текстах группы «Бонд с кнопкой»

Творчество группы «Бонд с кнопкой» представляет собой уникальный синтез урбанистической эстетики и глубоко личных, почти интимных бытовых зарисовок. Их тексты, насыщенные конкретными деталями повседневности и абстрактными образами городского пространства, создают многомерную поэтическую вселенную. В данной части работы мы подробно рассмотрим, как взаимодействуют эти два пласта образности, как бытовые детали трансформируются в философские символы и каким образом урбанистические пейзажи становятся метафорами душевных состояний. Особое внимание будет уделено тексту «Кухни» как квинтэссенции бытовой поэтики группы.

Город в текстах Ильи Золотухина редко предстает в качестве нейтрального фона. Чаще это активное пространство, влияющее на героев, диктующее им определенные модели поведения и восприятия. В тексте «Фонарь» урбанистический пейзаж обретает черты враждебной среды: *«Пойдем со мной / На дома смотреть / На других людей / У них жизнь есть / У нас нет»*. Здесь возникает характерный для группы мотив «чужой жизни» – существования за тонкими стенами городских квартир, которое кажется герою более полноценным, но остается недостижимым. Фонарь в этом контексте становится символом хрупкой надежды, слабой попытки осветить мрак городского одиночества.

Текст песни «Черно-белый» развивает тему диссоциации в городской среде: *«Чувствуешь своей больной головой / Как полумесяц становится полной луной»*. Урбанистический пейзаж здесь деформируется, теряет чет-

кие очертания, отражая психическое состояние героя. Повторяющиеся образы сигарет («*Покупай сигареты / Это твой черно-белый / Нуар*») и бритвы создают атмосферу нуарного фильма, где город становится соучастником личной драмы.

В «Шанель» урбанистическая образность достигает особой выразительности: «*Есть отопление / Только в углах этого дома / Ведь жизнь к сожалению / Имеет форму большого straponа*». Дом здесь – микрокосмос современного общества, где тепло (как метафора человечности) сохраняется лишь фрагментарно. А контраст между гламурным образом «маленького черного платья от Коко Шанель» и прозаичным «растянутым свитером» подчеркивает разрыв между мечтой и реальностью в городском пространстве.

Если урбанистические мотивы задают общий фон, то бытовые образы у «Бонда с кнопкой» становятся инструментом передачи тончайших эмоциональных нюансов. Так, в тексте «Радость» обыденные детали обретают глубокий символический смысл: «*Радость моя / Kleit пластырь на чердак / И ходит так теперь и только так*». Пластырь здесь – одновременно и конкретный предмет, и метафора временного решения душевных ран, а чердак становится пространством подсознания, где хранятся травмы.

Текст песни «Море» мастерски соединяет бытовое и экзистенциальное: «*Саваном белым закрывай глаза, / Пойдем домой, брат*». Белое полотно выполняет двойную функцию – это и простыня, и погребальный саван, а повторяющееся «*домой, брат*» звучит одновременно как утешение и прощание. Бытовой образ «шапки» («*Шапку надень, – / Простудишься*») вплетается в эту ткань, добавляя моменту теплоты и интимности.

Особого внимания заслуживает «Плач», где бытовая деталь становится центральным образом: «*Пачкая лицо о тусклое стекло*». Тусклое стекло – возможно, окно или зеркало – превращается в символ искаженного восприятия себя и мира. А фраза «*Плачущие от легкости бытия*» переворачивает традиционное понимание быта, придавая повседневности философское измерение.

Песня «Кухни» представляет собой наиболее полное воплощение бытовой образности у «Бонда с кнопкой». Уже первые строки задают тон: «*Кхм-кхм, кухни / Простишь меня за все или в одежде / Тихо плакать*». Кухня здесь – сакральное пространство, где разрешены самые сокровенные эмоции. Повтор «*тихо плакать*» подчеркивает интимность момента, а альтернатива «*в одежде*» добавляет бытовой конкретики.

Образ хрущевок («*В бережных и нежных хрущевках / Хранилище надежд для потомков*») превращает типичный советский интерьер в символ коллективной памяти. Детали вроде «*рассыпанной соли на клеенке*» и «*молока на губах*» создают эффект присутствия, делая текст осязаемым. Повтор «*Все могло быть неплохо*» звучит как рефрен утраченных возмож-

ностей, а фраза «*Радостны дни твои*» приобретает ироничное звучание в контексте общей меланхоличной атмосферы.

Особенно значим образ «*времени вагон*»: «*Времени вагон жить / Обувь не снимая / Спать и расходиться / По своим палатам*». Эта метафора передает ощущение временности, походного быта, где даже сон становится чем-то функциональным, а не уютным. Кухня в итоге предстает как последнее прибежище искренности в современном мире.

Интересно проследить, как урбанистические и бытовые образы взаимодействуют в текстах Ильи Золотухина. В тексте «Спутник» космическая метафора («*Мы на дне вселенной / Ненужные части уравнений*») сочетается с мрачной, почти насильственной деталью: «*Мы будем счастливы без слов, но с оружием*». Этот контраст подчеркивает абсурдность современного существования, где высокие технологии соседствуют с примитивными формами коммуникации.

Песня «Интернационал» дает любопытный пример трансформации бытового в политическое (а возможно, и в сакральное, учитывая упоминание «*нового бога*»): «*Жди, / Пока стынут кирпичи, – / Мы построим новый дом, / У нас будет новый бог*». Строительная метафора перерастает в социальную утопию, а бытовой образ «*спичек*» («*Менять спички с тоской*») становится символом скудных ресурсов для революции.

В тексте «Айседоре» урбанистический пейзаж («*Питерские подъезды / Бессмысленно кресло скрипело / Камера, неон, инвестор*») контрастирует с романтическим образом танцовщицы, создавая напряжение между искусством и реальностью.

Анализ урбанистических и бытовых образов в творчестве «Бонда с кнопкой» позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, группа создает уникальную поэтику, где конкретные детали повседневности обретают философскую глубину. Во-вторых, город в их текстах – не просто место действия, а активный участник нарратива, влияющий на персонажей. В-третьих, такие песни, как «Кухни», демонстрируют, как интимное пространство может становиться метафорой коллективного опыта.

Особенность поэтики Ильи Золотухина заключается в умении автора находить возвышенное в обыденном. Его тексты – это своеобразная алхимия, превращающая «*рассыпанную соль на клеенке*» в символ утраченных возможностей, а «*тусклое стекло*» – в зеркало души. Именно это сочетание конкретики и универсальности делает их творчество столь значимым для современной русской культуры.

3.3. Религиозные образы в текстах группы «Бонд с кнопкой»

Творчество группы «Бонд с кнопкой» насыщено религиозными образами, которые выполняют разнообразные функции – от выражения экзистенциальных переживаний до критики социальных и духовных явлений. Эти образы не просто украшают тексты, но становятся ключевыми элементами поэтики, формируя сложный символический пласт. Они переплетают

ются с темами одиночества, смерти, любви и поиска смысла, создавая многомерное художественное пространство, где сакральное и профанное, высокое и низкое, вера и ирония сосуществуют в напряженном диалоге.

В песнях группы встречаются отсылки к христианской традиции, языческим мотивам и авторским интерпретациям сакрального, что позволяет говорить не только о религиозной, но и о глубокой философской рефлексии. Музыканты не просто заимствуют церковную лексику, но переосмысливают ее, наполняя новыми, подчас парадоксальными смыслами. Это превращает их тексты в своеобразные литургии современности, где место Бога занимает человек с его страхами, надеждами и экзистенциальными вопросами.

Одним из наиболее ярких примеров является текст песни «Литургия», где религиозная лексика используется не для прославления Бога, а для восхваления жизни во всех ее проявлениях. Повторяющийся рефрен «*Слава живому, слава живому, / Слава живому празднику в нас*» трансформирует церковный гимн в гимн человеческому существованию. Здесь литургия, традиционно связанная с богослужением, становится метафорой внутреннего праздника, где смешиваются «ненависть и нежность».

Этот прием подчеркивает двойственность человеческой природы, в которой свет и тьма, святость и грех неразделимы. Упоминание «*стыда от недостатка красоты*» добавляет тему несовершенства, которая, однако, не исключает прославления жизни. Таким образом, религиозная форма наполняется светским содержанием, что отражает поиск духовности вне традиционных институтов. Группа не отрицает сакральное, но переводит его в плоскость личного, интимного переживания, где божественное растворено в повседневности.

В тексте песни «Аллилуйя» религиозные мотивы звучат еще более явно. Повторяющаяся строка «*Каждому нужен каждый дважды*» отсылает к библейской идее всеобщей связи и любви, напоминая заповедь «возлюби ближнего своего». Однако здесь акцент смещен на человеческие отношения: «*Целуй уходящего так же дважды, / Буди из любви лежащего навзничь*».

Эти строки можно интерпретировать как призыв к милосердию и вниманию к тем, кто страдает. Слово «Аллилуйя», традиционно выражающее хвалу Богу, здесь становится символом человеческой солидарности. Фраза «Помни родство» усиливает эту идею, подчеркивая важность памяти и связи между людьми. Интересно, что в песне отсутствует прямое упоминание Бога, что позволяет трактовать ее как гимн человечности, где сакральное переносится в сферу межличностных отношений.

Текст песни «Свои» раскрывает тему поиска духовной общности через религиозные образы. Лирический герой, «инвалид», раскидывает костыли, что символизирует отказ от привычных опор и поиск новой веры: «*Взлетит или крылья ему болят*». Упоминание «неофита», целующего

кресты, и «грехов», которые герой ищет «по таборам, храмам, барам», создает образ человека, блуждающего между разными формами духовности.

Храмы и таборы (цыганские лагера) противопоставляются как символы институциональной религии и свободного, почти языческого существования. Герой ищет «своих» – тех, кто разделяет его боль и отчаяние: *«Мир не полон любви к нам, братья, / Но полон чужого отчаянья»*. Это отсылает к христианской идее братства, но с акцентом на маргинальность и страдание. Образ «ожившего памятника» можно трактовать как воскрешение прошлого или пробуждение духовности в мертвом, формальном мире.

Религиозные мотивы в других песнях группы также заслуживают внимания. Например, в тексте «Господь» герои *«сели на паперти»*, что сразу отсылает к образу нищих у церкви. Их вопрос *«Что просить? – без понятия»* отражает растерянность перед лицом абсурдности бытия. Просьба *«оставить чуть-чуть ганджубаса»* – это ироничное снижение высокого, где священное смешивается с земным, греховным.

В «Заутрене» дыхание Бога описывается как процесс расширения и сужения пространства: *«И пространство, сужаясь само, / Расширяясь само. / Это дышит Бог глубоко»*. Этот образ напоминает мистические откровения, где Бог присутствует в каждом моменте бытия. Призыв *«Не рыдай, солнце, просыпайся»* сочетает языческое олицетворение светила с христианской идеей надежды.

В «Плачь» религиозные образы используются для выражения экзистенциального отчаяния. Герой называет себя *«агнцем»*, которому нужен пастырь: *«Пастыря бы мне, – агнцу пастуха / Перевести через туман»*. Это прямая отсылка к христианской метафоре Христа как пастыря, но здесь пастух отсутствует, а агнцы остаются «без дома и земли». Туман становится символом неведения и потерянности, а плач – единственной формой молитвы.

В «Интернационале» религиозные мотивы переплетаются с социальными: *«У нас будет новый бог / И очень старая земля»*. Это можно трактовать как критику замены духовных ценностей материальными или как надежду на новую веру, рожденную из страдания.

Религиозные образы в песнях Ильи Золотухина служат не только для выражения традиционных духовных идей, но и для их деконструкции. Группа использует сакральную лексику, чтобы говорить о человеческих страданиях, поиске смысла и попытках найти общность в мире, где традиционные формы веры утратили свою силу. Именно в этом смещении высокого и низкого, священного и грешного, рождается подлинный поиск смысла, который делает творчество группы столь значимым для слушателя, балансирующего между верой и отчаянием.

Заключение

Исследование выявило специфику образной системы в текстах группы «Бонд с кнопкой». Особое внимание в текстах песен уделено природно-

стихийным образом, которые выполняют в поэтике коллектива как символическую, так и эмоционально-выразительную функцию. Не менее значимыми оказались урбанистические мотивы, отражающие характерное для современной культуры восприятие городского пространства. Философско-религиозные образы продемонстрировали глубину мировоззренческих поисков авторов.

Проведенное исследование показало, что образная система у Ильи Золотухина отличается целостностью и внутренней логикой развития. Художественные образы не существуют изолированно, а образуют сложную сеть взаимосвязей, создавая тем самым уникальный поэтический мир. При этом отмечается сознательное использование авторами приемов контраста и парадокса, что придает их творчеству особую выразительность.

Список литературы

Балицкая, Т. В. Современная иллюстрированная энциклопедия / Т. В. Балицкая. – Москва : Росмэн-Пресс, 2007. – 608 с. – Текст : непосредственный.

Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи : монография / А. И. Ефимов. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1961. – 519 с. – Текст : непосредственный.

Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – Москва : Вече, 2003. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 751 с. – Текст : непосредственный.

Введение в литературоведение. Основы теории литературы / В. П. Мещеряков, А. С. Козлов, Н. П. Кубарева, М. Н. Сербул. – Москва : Дрофа, 2003. – 416 с. – Текст : непосредственный.

Николаев, А. И. Основы литературоведения : учебное пособие для студентов филологических специальностей / А. И. Николаев. – Иваново: ЛИСТОС, 2011. – 255 с. – Текст : непосредственный.

Палиевский, П. В. Внутренняя структура образа / П. В. Палиевский. – Текст : непосредственный // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении / Под ред. Э. Л. Афанасьева, В. А. Воропаева. – Москва : Наука, 1962. – С. 487–545.

Поспелов, Г. Н. Эстетическое и художественное / Г. Н. Поспелов. – Москва : Просвещение, 1965. – 246 с. – Текст : непосредственный.

Потебня, А. А. Теоретическая поэтика : учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений /

А. А. Потебня. – Москва: Высшая школа, 1990. – 344 с. – Текст : непосредственный.

Роднянская, И. Б. Образ художественный / И. Б. Роднянская, В. В. Кожин. – Текст : непосредственный // Краткая литературная энциклопедия: В 9 томах. Т. 5 – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – С. 363–369.

Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 240 с. – Текст : непосредственный.

Получена: 11.10.2025

Принята: 24.11.2025

KEY IMAGES IN THE LYRICS OF THE BAND “BOND S KNOPKOY”

S. A. Yelovikova

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
0_yelovikova_0@mail.ru

G. A. Avdeyeva

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
g_avdeeva_64@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying and systematizing the key artistic images in the lyrics of the band “Bond s knopkoj.” The relevance of the study is driven by the necessity for a literary analysis of modern rock poetry, which integrates classical poetics with postmodern eclecticism. The continuous sampling method was employed to select the research material. Through descriptive and contextual methods, along with classification and typologization procedures, the author reconstructs the band’s multi-level imagery system.

The study has revealed the specific nature of the imagery system in the song lyrics: natural-elemental motifs dominate, performing both symbolic and emotive-expressive functions; urban narratives are prominent, reflecting contemporary perceptions of city space; and philosophical-religious images capture the depth of the authors’ ideological search. Ilya Zolotukhin’s imagery system demonstrates integrity and internal development logic: the images are interconnected within a complex network, while the techniques of contrast and paradox enhance the poetic expressiveness of the texts.

Key words: rock poetry, “Bond s knopkoj”, Ilya Zolotukhin, artistic image, song lyrics, imagery typology, urban motifs, natural elements, modern literature.

References

- Balitskaya, T. V. (2007). *Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Modern Illustrated Encyclopedia]. Moscow: Rosmen-Press.
- Khalizev, V. Ye. (1999). *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Kononenko, B. I. (2003). *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [Large Explanatory Dictionary of Cultural Studies]. Moscow: Veche.
- Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* (1987) [Literary Encyclopedic Dictionary], eds. V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolayev. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Meshcheryakov, V. P., Kozlov, A. S., Kubareva, N. P., Serbul, M. N. (2003). *Vvedeniye v literaturovedeniye. Osnovy teorii literatury* [Introduction to Literary Studies. Fundamentals of Literary Theory]. Moscow: Drofa.
- Nikolayev, A. I. (2011). *Osnovy literaturovedeniya: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskikh spetsial'nostey* [Fundamentals of Literary Studies: A Textbook for Students of Philological Specialties], Ivanovo: LISTOS.
- Paliyevskiy, P. V. (1962). Vnutrennyaya struktura obraza [The Internal Structure of the Image], in *Teoriya literatury. Osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii* [Theory of Literature. Main Problems in Historical Perspective], eds. E. L. Afanas'yev, V. A. Voropayev., Moscow: Nauka, pp. 487–545.
- Pospelov, G. N. (1965). *Esteticheskoye i khudozhestvennoye* [Aesthetic and Artistic]. Moscow: Prosveshcheniye.
- Potebnya, A. A. (1990). *Teoreticheskaya poetika: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Theoretical Poetics: A Textbook for Students of Philological Faculties of Higher Educational Institutions]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Rodnyanskaya, I. B., Kozhinov, V. V. (1968). *Obraz khudozhestvennyy* [Artistic Image], in *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: V 9 tomakh* [Brief Literary Encyclopedia: In 9 volumes]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 363–369.
- Yefimov, A. I. (1961). *Stilistika khudozhestvennoy rechi* [Stylistics of Artistic Speech: Monograph]. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova.

Submitted: 11.10.2025

Accepted: 24.11.2025

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЦЕНКИ В ИНТЕРНЕТ-РЕЦЕНЗИЯХ НА ФИЛЬМ «ГОГОЛЬ. НАЧАЛО»

Я. С. Шиндяпина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Нижний Тагил, Россия
shind-ya@mail.ru

Ю. А. Фомина

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Нижний Тагил, Россия
ufomina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению реализации категории оценки в современной кинокритике – популярном жанре, широко представленном в современном интернет-пространстве. Материалом исследования послужили любительские рецензии с сайта онлайн-кинотеатра «КиноПоиск» на фильм Е. Баранова 2017 г. «Гоголь. Начало», получивший широкий резонанс среди зрительской аудитории как одна из экранизаций по мотивам классической литературы. Авторами выявляются содержательные особенности выражения оценки фильма в анализируемых рецензиях – спектр объектов оценки, аксиологический полюс оценивания и др., а также определяются наиболее частотные лингвистические средства выражения оценки. В ходе исследования определяются наиболее частотные объекты оценивания (качество актерской игры, сюжет, общее впечатление от картины и др.), определяющие круг значимых для зрителя элементов кинокартины. Авторы приходят к выводу о преимущественно негативной оценке рассматриваемого фильма (68,5 %), а также о наиболее востребованных языковых средствах выражения оценки, отмечая тенденцию у авторов рецензий более конкретно и выразительно давать отрицательную оценку. Выявленные содержательные и языковые особенности текстов кинокритики позволяют констатировать высокую степень проявления в них оценочности, которая во многом определяет прагматический характер данного жанра.

Ключевые слова: кинокритика, оценочность, языковая оценка, объект оценки, оценочная лексика, эксплицитная оценка, имплицитная оценка, стилистические языковые средства.

1. Введение

Оценка как когнитивно-лингвистическая категория представляет неизменный интерес для исследователей [Анисимова, 2024; Арутюнова, 1999; Вольф, 2002; Кожина, 2020; Маркелова, 1993; Пантеева, 2020; Сергеева, 2004; Телия, 1986; Федорова, 2015; Фомина, 2007]. Ученые по-разному подходят к определению понятия оценки, что обусловлено двусторонним про-

цессом ее формирования: восприятием явления человеком, а также его сопоставлением с существующей моделью мира или с представлениями человека, пропущенными через когнитивную и эмоциональную сферы [Дормидонтова, 2009, с. 47]. Отсутствие единого общепринятого подхода к определению понятия оценки и ее классификации делает это явление широким и многозначным. При этом оценка, являясь универсальной для человека категорией и реализуясь с помощью разнообразных языковых средств, находит отражение в различных формах коммуникации, в том числе в современном медиапространстве.

Одним из востребованных аналитических жанров является жанр рецензии, который в интернет-пространстве подвергся определенным преобразованиям и активно используется как способ выразить субъективное мнение пользователя сети о книге, фильме, музыкальном альбоме и т. д.

Каждому типу рецензии, в зависимости от вида рецензируемого произведения, присуще определенное жанровое и стилистическое своеобразие, но объединяющим фактором Л. Е. Кройчик считает выражение своего отношения к миру обозреваемого произведения через соотнесение своего взгляда на окружающую реальность. При этом исследователь подчеркивает, что оценке публициста свойственна не субъективность, а «аргументированный разбор источника», т. е. выражение объективного, рационального, целостного представления о произведении [Кройчик, 2000, с. 155]. Напротив, Д. Д. Брежнева утверждает, что жанр рецензии наряду с аргументированностью, объективностью авторской оценки может допускать элементы эмоциональности, субъективности, выражение личных вкусов и пристрастий рецензента [Брежнева, 2013].

Особого внимания заслуживает жанр кинокритики, который, с одной стороны, служит доступным способом выразить субъективное мнение о фильме, а с другой – позволяет формировать некие ориентиры для зрительской аудитории в выборе кинематографического материала и его понимании. Д. Д. Брежнева дает следующее определение кинокритики: «это тематическая разновидность жанра рецензии, представляющая собой критический отзыв на произведение искусства» [Брежнева, 2013, с. 9].

По мнению исследователей, кинокритика выполняет комплекс функций: создание критического отзыва о просмотренном фильме/сериале, их оценивание, влияние на формирование мнения адресата, помощь адресату верно понять авторский замысел фильма, а также воздействие на решение адресата смотреть или не смотреть фильм, что в современном информационном пространстве особенно актуально [Брежнева, 2013; Гаранина, 2013]. Следует отметить, что тексты любительской кинокритики, в отличие от профессиональной, отличаются большей субъективностью, эмоциональностью, свободной формой выражения и разговорностью стиля [Ртищева, 2022; Сабурова, 2015; Семина, 2021].

В связи с вышеизложенным обращение к исследованию особенностей языковой репрезентации оценки в современных интернет-кинорецензиях представляется актуальным как с точки зрения жанроведения (обращение к трансформации классического жанра в интернет-коммуникации), так и с точки зрения достижения прагматического эффекта (воздействие на массовую аудиторию за счет реализации в тексте оценочной интенции).

2. Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили рецензии на кинофильм «Гоголь. Начало» (реж. Е. Баранов, 2017), размещенные на сайте онлайн-кинотеатра «КиноПоиск» (<https://www.kinopoisk.ru/>) в период с 2017 по 2023 гг. (всего 156 рецензий). Анализ материала предполагал выявление содержательных особенностей репрезентации оценки в текстах любительских кинорецензий на данный фильм, а также определение наиболее частотных языковых средств, используемых для передачи аксиологических смыслов.

3. Анализ

Фильм «Гоголь. Начало» – первый из трех фильмов киносериала «Гоголь», снятый по мотивам произведений Н. В. Гоголя из сборника «Вечера на Хуторе близ Диканьки». Экранизации классических произведений или кинокартины, создаваемые по мотивам литературной классики, неизменно вызывают интерес зрительской аудитории и порождают многочисленные дискуссии, в том числе в виде интернет-отзывов и рецензий. В рамках данного исследования мы обратились к анализу особенностей репрезентации оценки в рецензиях на указанный фильм.

Данные рецензии представляют собой любительский тип кинокритики, поскольку им свойственны следующие характеристики:

- тексты написаны в свободной форме, в них не соблюдается классическая журналистская структура кинорецензии;
- в рецензиях ярко выражены субъективное мнение и впечатления от фильма, основанные на личных вкусах и предпочтениях;
- данные тексты обладают высокой степенью оценочности, экспресивности, эмоциональности, что выражается на лингвистическом уровне.

С целью выявления содержательных особенностей репрезентации оценки были определены объекты оценивания, встречающиеся в анализируемых рецензиях.

Наиболее частотный объект оценки – качество актерской игры (24% оценочных характеристик). Зрители оценивают как актеров переднего плана (Александр Петров в роли Николая Гоголя, Александр Меньшиков в роли Гуро, Таисия Вилкова в роли Лизы Данишевской), так и второстепенных, но в меньшей степени. Так, оценивая игру А. Петрова, многие рецензенты отмечают его проявившийся талант, противопоставляя роль в этом фильме предыдущим актерским работам. Несмотря на это, многочисленны и негативные оценки, указывающие «недостоверность» и «неестественность» его игры. Реже рецензенты обращаются к оценке

ролей А. Меньшикова и Т. Вилковой, также отмечая как положительные, так и отрицательные характеристики. У второстепенных актеров оценки немногочисленные и, как правило, негативные, отмечаются *«нелепость»*, *«нервность»* их игры. Негативно-сатирически оценивается современный внешний вид некоторых актеров: *«Гарные девицы все с губами-пельменями (видно, для съемочной группы в клинике были скидки)»*. Даются авторами рецензий и обобщенные суждения в отношении актерского состава в целом: *«Актерский состав по большей части собрался очень неплохой»* или *«...игра актеров неважная»*.

Второй по частотности объект оценки – сюжет (16% оценочных характеристик). В большинстве случаев рецензенты дают отрицательную оценку сюжета кинофильма, указывая на *«абсурдность»*, *«сумбуриность»*, *«скомканность»* сюжетной линии. Некоторые рецензенты, выражая положительную оценку, отмечают интригу сюжета, включение *«нетривиальных поворотов событий»*.

Достаточно многочисленны оценочные высказывания обобщенного характера, которые выражают производимое впечатление от кинокартины в целом (13% оценочных характеристик): *«неплохой продукт отечественного кинематографа»*, *«было интересно погрузиться в эту историю»*, *«фильм сделан талантливо»*, *«полный провал»*.

Оцениваются и созданные на экране образы героев (10% оценочных характеристик), причем чаще всего отрицательно. В большинстве рецензий зрители высказывают недовольство образом главного героя Гоголя: высмеивают его многочисленно изображаемые обмороки, посредством которых во многом он ведет расследование: *«...ловит припадки с видениями, во время которых трясется в угаре и записывает подсказки касательно преступлений»*. Критике подвергается и внешний облик персонажа: *«...всегда выглядит одинаково: как с картины»*.

Были выявлены и менее частотные объекты оценки: грим, костюмы и декорации (7%); реминисценции на литературное творчество и жизнь Н. В. Гоголя (5%); жанровое своеобразие фильма (6%); реминисценции на другие киноленты (5%); качество спецэффектов и компьютерной графики (4%); визуальная, эстетическая составляющая (3%).

Таким образом, в любительских кинорецензиях на фильм «Гоголь. Начало» представлен достаточно широкий спектр объектов оценивания. Многие зрители рецензируют фильм по большому количеству разнородных критериев, обращая внимание на те или иные стороны кинокартины, исходя из своих личных предпочтений. Рецензенты отмечают как положительные стороны фильма, так и отрицательные, причем один и тот же объект может быть оценен диаметрально противоположно разными зрителями. При этом наиболее значимыми компонентами фильма, согласно выделенным объектам оценки, для зрителей-рецензентов являются качество актерской игры и

сюжет кинокартины, которые в большей степени влияют на восприятие фильма в целом.

Для выражения оценки авторы рецензий используют различные языковые средства – собственно лексические, где оценка выражается на уровне семантики отдельного слова, и стилистические, где оценка дается за счет использования языкового приема.

Среди лексических средств выражения оценки в рецензиях на фильм «Гоголь. Начало» используются имена существительные, имена прилагательные, наречия, глаголы, фразеологические обороты.

Наиболее широкой группой оценочной лексики в анализируемом материале являются имена прилагательные (18,5% оценочных средств), т. к. они в большей степени направлены на создание характеристики объекта, надежды его теми или иными признаками, в том числе оценочными.

В ходе анализа было выявлено, что положительная оценка представлена, в большей степени, общеоценочными прилагательными, выражающими общее впечатление зрителей: *«Актёрский состав, по большей части, собрался очень **неплохой**»*. Немногочисленные частнооценочные прилагательные положительной оценки выражаются чаще всего группой сублимированных значений: *«Все составляющие выглядят вполне убедительно, что также придает картине очень **мрачный, темный, захватывающий визуал**»*.

Оценочные суждения с отрицательной семантикой выражаются, как правило, частнооценочными значениями различных типов, это:

- интеллектуальная оценка: *«Ставить профана Петрова (Гоголь) с маститым Меньшиковым (Гуро) в главных ролях – **глупое** решение»*;
- эстетическая оценка: *«...и ваш артист ходит в самом **фиговом** черном парике, какой нашелся в маленьком магазинчике ужасов за углом?»*;
- сенсорная оценка: *«Гоголь получился **неприятным, болезненным и дерганым**»*;
- эмоциональная оценка: *«Мне вообще трудно понять, почему авторы решили преподнести Гоголя столь **аморфным и скучным**»*.

Оценка в анализируемых текстах кинорецензий выражается и с помощью глаголов (16% оценочных средств). Наблюдается употребление глаголов, выражающих неприятные эмоции при просмотре: *«...сюжет данного фильма **растравивает** еще сильнее», «Напыщенный Меньшиков, откровенно говоря, не просто **раздражает – бесит**»*. Такие глаголы, как «погружать», «затягивать», «интриговать» подчеркивают внутреннее ощущение включенности в ходе просмотра фильма: *«Она **интригует**, за происходящим интересно следить, а вышеупомянутая атмосфера еще больше **погружает** в разворачивающийся мистический детектив»*.

В анализируемом материале также были выделены оценочные наречия (16% оценочных средств): *«Такое скакание по жанрам выглядит крайне **нелепо**», «выглядит не **шибко правдоподобно, несуразно**», «...в образе Го-*

голя он *смотрится весьма недостоверно*», *«очень бережно обошлись с его творчеством и удивительным образом переплели сюжеты нескольких его произведений*». Следует отметить, что наречия часто употребляются как слова-интенсификаторы, усиливающие положительную или отрицательную семантику соседних лексем, помогая более эмоционально выразить личные впечатления.

Имена существительные, используемые для выражения оценки (11% оценочных средств), в большинстве случаев негативно характеризуют похожесть кинокартины «Гоголь. Начало» на другие фильмы: *«Дешевая копия фильма Т. Бертон» «Сонная лошадина*». Кроме того, с помощью существительных подчеркивается неестественность, неоригинальность происходящего в кадре: *«искусственность, бросающаяся в глаза, не обсмеял только ленивый»*, *«это глупо, это клише»*. Оценочные существительные в анализируемых текстах часто носят разговорный характер: *«Эмоции, отыгранные кивками, морганием и тряской головы, недоорами, хмыканьем и шмыганьем в конце фраз – явно плохая игра»*. Такое свойство речи подчеркивает любительский тип интернет-кинорецензий.

Оценка фильма иногда выражается и с помощью фразеологизмов (3%), например: *«Пытаясь копировать (разумеется, безуспешно) готическую стилистику Бёртона, режиссер сам себе связал руки»*, *«Сюжет притянут за уши»*.

Помимо оценочной лексики для выражения субъективного мнения в анализируемых кинорецензиях используются стилистические средства – изобразительно-выразительные приемы, что способствует повышению экспрессивности оценочных высказываний. Так, Л. Г. Смирнова отмечает, что оценочность лексем усиливается, если они включены в состав тропа и таким образом соединяют в себе образность и экспрессивность [Смирнова, 2013]. При этом следует отметить, что к стилистическим средствам, как правило, прибегают авторы негативных рецензий, что подтверждает отмечаемую в статье С. Ю. Двининой тенденцию использования таких средств для актуализации стратегии убеждения «не смотреть» [Двинина, 2025, с. 632]. Так, например, в анализируемом материале отмечается употребление оценочной метафоры: *«Тут же мое сердце откликлось пустым стуком на все потуги режиссера, хотя бы как-то спровоцировать во мне интерес»*. Выделенная метафора передает скуку, отсутствие интереса к событиям на экране.

Достаточно часто негативная оценка выражается с помощью ряда риторических вопросов, которые сопровождаются образными сравнениями иронически-сатирического характера: *«Что же именно так хорошо в этом фильме? Грим, который постыдятся изобразить дети на Ютубе, делая себе мейкап на Хэллоуин? Шутки про водку? Простите, горилку»*.

В негативных по семантике рецензиях используется прием иронии, который позволяет с большей эмоциональной силой воздействовать на читателя, а также выразить оценку. Н. И. Клушина отмечает, что

в определенном контексте лексема с положительным значением может изменить его на противоположное, что может наблюдаться при использовании иронии [Клушина, 2000, с. 99]. Например: «**Очередная победа российских киноделов над искусством, литературой и кинематографом**» – в общем контексте рецензии лексемы с положительной оценочной семантикой («очередная победа») приобретают противоположный отрицательный смысл, который поддерживается существительным «*киноделы*» – создатели кинопроизведений. Существительное «*киноделы*» подчеркивает механистичность, некоторый автоматизм и примитивизм создания кинокартины, что не позволяет отнести ее к произведению искусства, лишает культурно-эстетической ценности, придает пренебрежительную эмоциональную окраску.

В рецензиях наблюдается использование образных сравнений с союзом «как», используемых для выражения как положительной, так и отрицательной оценки: «*Гоголь выглядит как не выучивший урок школьник перед учителем*», «*Яркими получились многие – это как собрать яркий пазл*».

В анализируемых текстах используется и намеренное нарушение языковой нормы, создающее комический эффект, подчеркивающее несерьезность и даже абсурдность ситуации, усиливающее экспрессию негативной оценки: «*Вместе парочка едет в Диканьку, где ведьмы, утопленницы, а Аицкий Сотона убивает невинных дев*» (вместо «*адский сатана*»).

Кроме того, обнаруживается использование эвфемистической замены: «*...неплохо бы было, чтобы ей нормальный макияж сделали, а то она больше походила на девушку в утреннем кафе, рыскающую в поиске подходящей пары*». В данном примере негативно оценивается грим персонажа и выражается впечатление об этой героине как о девушке с низкой социальной ответственностью.

В заголовках к критическим отзывам используется прием языковой игры, подчеркивающий выражаемое настроение всего текста рецензии: «*Унылые вечера близ Диканьки*», «*Сонная лощина близ Диканьки*», «*Гоголь. Начало*». Ну, началось...». Также в заголовках к текстам рецензий зрители прибегают и к прецедентным феноменам, используемым в трансформированном виде: «*А был ли Гоголь?*», «*ЛжеГоголь – трусливый, забитый, нелепый эпилептик*», «*А Гоголь кто?*». Употребленные прецедентные феномены несут в себе отрицательную оценку, иронически выражая несостоятельность Гоголя как персонажа кинокартины и фильма в целом.

Таким образом, авторы любительских кинокритических рецензий на фильм «Гоголь. Начало» используют разнообразные языковые средства выражения оценки. Традиционно привлекаются прилагательные, наречия, существительные и глаголы с оценочной семантикой, используются фразеологизмы. Помимо этого, рецензенты прибегают к изобразительно-выразительным приемам (риторические вопросы, сравнения, ирония, языковая игра и др.), позволяя

ющим не только выразить оценку, но и сделать текст рецензии более интересным и эмоциональным.

4. Заключение

Широко распространенный и популярный в настоящее время медийный жанр кинорецензии по своей сути является транслятором субъективной информации, где для выражения оценки привлекаются различные языковые средства. Особенности жанра подразумевают непосредственное оценивание просмотренной кинокартины, которое выполняет при этом и прагматическую функцию: воздействуя на мнение читателя, помогает потенциальному зрителю выбрать для просмотра определенный фильм или сериал из большого объема видеоконтента в сети интернет.

В проанализированных текстах кинорецензий на фильм «Гоголь. Начало» выявлена неоднозначная его оценка. Так, в одном и том же тексте рецензент указывает как достоинства фильма, так и его недостатки, а один и тот же объект оценки может быть оценен диаметрально противоположно разными рецензентами. В анализируемом материале превалирует негативное общее впечатление рецензентов кинокартины (68,5% отрицательных оценочных суждений), несмотря на отдельно выделяемые достоинства (31,5% положительных оценочных суждений).

Среди содержательных особенностей реализации категории оценки можно выделить наличие широкого круга оцениваемых объектов: – от качества игры отдельных актеров, особенностей интерпретации образов героев до передаваемой атмосферы и визуальной эстетики картины в целом. Рецензенты оценивают данный фильм по разнообразным критериям, определяемым их субъективными предпочтениями. Этот факт свидетельствует о том, что фильм вызвал широкий общественный резонанс среди кинолюбителей.

Средствами выражения оценки в рассматриваемых кинорецензиях являются как собственно лексические средства (лексемы с оценочным значением) – 62% выявленных оценочных средств, так и стилистические средства (изобразительно-выразительные приемы речи) – 38%. Такое соотношение типов используемых средств вполне соответствует жанру любительской кинорецензии, где авторы-непрофессионалы используют преимущественно общепотребительную лексику, реализуя основную интенцию – выражение субъективного мнения, при этом делая акцент на содержании текста, а не на его форме.

В качестве лексических средств, выражающих оценочную семантику, выступают чаще всего прилагательные, при этом положительная оценка дается обычно с помощью общеоценочных лексем (оценка без детализации ее основания), а отрицательная выражается частнооценочными значениями, что можно объяснить желанием критика конкретизировать основание оценивания с интеллектуальной, эмоциональной, эстетической и др. позиции. Кроме того, в интернет-рецензиях используются существительные, наречия, глаголы, а также фразеологизмы с оценочным значением. Позволяют при-

влечь внимание к содержанию кинорецензии изобразительно-выразительные средства, также передающие оценочную семантику. Наиболее частотными из них можно назвать риторические вопросы и прием иронии, которые используются для выражения отрицательного отношения к фильму. Помимо этого, авторы рецензий используют для выражения оценки сравнения, метафоры, прецедентные феномены и эвфемизмы.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что положительная оценка выражена, как правило, традиционно и эксплицитно – лексемами с общеоценочной семантикой («хорошо», «правильно», «неплохой» и др.), в то время как для выражения отрицательной оценки привлекаются лексемы с частнооценочной семантикой («мрачный», «глупый», «аморфный» и др.), а также стилистические приемы (ирония, риторические вопросы), где оценка дается более экспрессивно, часто на имплицитном уровне (в контексте). Это связано с тем, что по своей природе негативные эмоции сильнее позитивных, поэтому и выражаются они более ярко и интенсивно, в том числе и на уровне языковой оценки. В целом, проведенный анализ репрезентации оценки в интернет-рецензиях на фильм «Гоголь. Начало» показал высокую степень проявления в них оценочности, которая задается прагматическим характером данного жанра и позволяет влиять на зрительские предпочтения.

Список литературы

Анисимова, К. А. Особенности выражения оценки в туристическом дискурсе (на примере интернет-отзывов туристов о Нижнем Тагиле) / К. А. Анисимова, Ю. А. Фомина. – Текст : электронный // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. – 2024. – № 3. – С. 38–53. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75142660> (дата обращения: 18.10.2025).

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 869 с. – Текст : непосредственный.

Брежнева, Д. Д. Жанрово-стилистические и когнитивные особенности кинорецензии как вида массово-информационного дискурса (на материале современной британской прессы): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Брежнева Дарья Дмитриевна; Московский государственный областной университет. – Москва, 2013. – 27 с. – Текст : непосредственный.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. – Текст : непосредственный.

Гаранина, Э. Ю. Оценочность в жанре кинокритики / Э. Ю. Гаранина. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2–2 (54). – С. 28–31.

Двинина, С. Ю. Анализ дискурса кинокритик зрительских на фильм «Иван Васильевич меняет всё» / С. Ю. Двинина. – Текст : электронный // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5, №1. – С. 626–633. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82885997> (дата обращения: 18.10.2025).

Дормидонтова, О. А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики / О. А. Дормидонтова. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2–1. – С. 47–49.

Клушина, Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ / Н. И. Клушина. – Текст : непосредственный // Публицистика и информация в современном обществе : сборник статей / Под общ. ред. Г. Я. Солганика. – Москва : МГУ, 2000. – С. 94–106.

Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаев, В. А. Салимовский. – 8-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2020. – 464 с. – Текст : непосредственный.

Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик. – Текст : непосредственный // Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С. Г. Корконосенко. – Санкт-Петербург : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. – С. 125–167.

Маркелова, Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке : учебное пособие / Т. В. Маркелова. – Москва : Изд-во МПУ. – 1993. – 125 с. – Текст : непосредственный.

Пантеева, К. В. Понятия эксплицитности и имплицитности в контексте категории оценочности (на материале британского спортивного дискурса) / К. В. Пантеева. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – № 1. – С. 125–133.

Ртищева, В. А. Кинокритика как жанр журналистики / В. А. Ртищева. – Текст : непосредственный // Слово в науке. – 2022. – № 7. – С. 15–17.

Сабурова, Н. А. Дискурсивные характеристики непрофессиональной кинокритики в виртуальном пространстве / Н. А. Сабурова, А. С. Голикова. – Текст : непосредственный // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2015. – № 3 (38). – С. 281–290.

Сергеева, Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа : специальность 10.02.01. «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сергеева Лариса Александровна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2004. – 48 с. – Текст : непосредственный.

Смирнова, Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты : специальность 10.02.01

«Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Смирнова Людмила Георгиевна; Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2013. – 51 с. – Текст: непосредственный.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва: Наука, 1986. – 141 с. – Текст: непосредственный.

Федорова, Н. В. К вопросу о языковых механизмах формирования оценки в русскоязычных и англоязычных средствах массовой информации: имплицитная оценка / Н. В. Федорова. – Текст: непосредственный // Филология и лингвистика. – 2015. – № 2 (2). – С. 30–36.

Фомина, Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина. – Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 154–161.

Получена: 29.10.2025

Принята: 24.11.2025

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE ASSESSMENT IN THE ONLINE REVIEWS OF THE FILM "GOGOL. THE BEGINNING"

Ya. S. Shindyapina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
shind-ya@mail.ru

Yu. A. Fomina

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ufomina@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the implementation of the evaluation category in modern film censorship, a popular genre widely represented in the modern Internet space. The research material was amateur reviews from the website of the online cinema "KinoPoisk" for the 2017 film by E. Baranov. "Gogol. The Beginning", which received a wide response among the audience as one of the film adaptations based on classical literature. The authors identify the meaningful features of the expression of film evaluation in the analyzed reviews – the spectrum of evaluation objects, the axiological pole of evaluation, etc., and also identify the most frequent linguistic means of expressing evaluation. In the course of the study, the most frequent objects of evaluation are determined (the quality of the acting, the plot, the overall impression of the picture, etc.), which determine the range of significant ele-

ments of the motion picture for the viewer. The authors conclude that the film in question has a predominantly negative assessment (68,5%), as well as the most popular linguistic means of expressing appreciation, noting the tendency of reviewers to give a negative assessment more specifically and expressively. The revealed substantive and linguistic features of the film censorship texts allow us to state a high degree of appreciation in them, which largely determines the pragmatic nature of this genre.

Key words: film review; evaluability; language assessment; object of assessment; evaluative vocabulary; explicit assessment; implicit assessment; stylistic language means.

References

Anisimova, K. A., Fomina, Ju. A. (2024). Osobennosti vyrazheniya otsenki v turisticheskom diskurse (na primere internet-otzyvov turistov o Nizhnem Tagile) [Features of the expression of assessment in the tourist discourse (using the example of online reviews of tourists about Nizhny Tagil)]. *Uchenyye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya*, 3, 38–53.

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Brezhneva, D. D. (2013). *Zhanrovo-stilisticheskiye i kognitivnyye osobennosti kinoretsenzii kak vida massovo-informatsionnogo diskursa (na materiale sovremennoy britanskoy pressy)* [Genre-stylistic and cognitive features of film censorship as a type of mass information discourse (based on the material of the modern British press)]. Moscow.

Dormidontova, O. A. (2009). Kategoriya otsenki i otsenochnaya kategorizatsiya s pozitsiy sovremennoy lingvistiki [Evaluation category and evaluative categorization from the perspective of modern linguistics]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2–1, 47–49.

Dvinina, S. YU. (2025). Analiz diskursa kinoretsenzii zriteley na fil'm «Ivan Vasil'yevich menyayet vsë» [An analysis of the audience's film censorship discourse on the film "Ivan Vasilyevich changes Everything"]. *Dinamika mediasistem*, 5–1, 626–633.

Fedorova, N. V. (2015). K voprosu o yazykovykh mekhanizmax formirovaniya otsenki v russkoyazychnykh i angloyazychnykh sredstvakh massovoy informatsii: implitsitnaya otsenka [On the issue of linguistic assessment mechanisms in Russian-speaking and English-speaking media: implicit assessment]. *Filologiya i lingvistika*, 2 (2), 30–36.

Fomina, Ju. A. (2007). Aspekty izuchenija jazykovoj ocenki [Aspects of learning language assessment]. *Vestnik cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 20, 154–161.

Garanina, E. YU. (2013). Otsenochnost' v zhanre kinoretsenzii [Evaluation in the genre of film review]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2–2 (54), 28–31.

Klushina, N. I. (2000). Yazykovyye mekhanizmy formirovaniya otsenki v SMI [Linguistic assessment mechanisms in the media]. *Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve*, Moscow: MGU, 94–106.

Kozhina, M. N., Duskayev, M. N., Salimovskiy, V. A. (2020). *Stilistika russkogo yazyka* [The style of the Russian language]. Moscow: Flinta.

Kroychik, L. E. (2000). Sistema zhurnalistskikh zhanrov [The system of journalistic genres]. *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti zhurnalista*, Sankt-Peterburg: Znaniye, SPbIVESEP, 125–167.

Markelova, T. V. (1993). *Semantika otsenki i sredstva yeye vyrazheniya v russkom yazyke* [Semantics of evaluation and its means of expression in Russian]. Moscow: Izd-vo MPU.

Panteyeva, K. V. (2020). Ponyatiya eksplitsitnosti i implitsitnosti v kontekste kategorii otsenochnosti (na materiale britanskogo sportivnogo diskursa) [The concepts of explicitness and implicitness in the context of the category of evaluativeness (based on the material of British sports discourse)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 1, 125–133.

Rtishcheva, V. A. (2022). Kinoretsenziya kak zhanr zhurnalistiki [Film censorship as a genre of journalism]. *Slovo v nauke*, 7, 15–17.

Saburova, N. A., Golikova, A. S. (2015). Diskursivnyye kharakteristiki neprofessional'noy kinoretsenzii v virtual'nom prostranstve [Discursive characteristics of non-professional film censorship in the virtual space]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (38), 281–290.

Sergeyeva, L. A. (2004). *Otsenochnoye znachenie i kategorizatsiya otsenochnoy semantiki: opyt interpretatsionnogo analiza* [Evaluative meaning and categorization of evaluative semantics: the experience of interpretative analysis]. Ufa.

Smirnova, L. G. (2013). *Leksika russkogo yazyka s otsenochnym komponentom znacheniya: sistemyy i funktsional'nyy aspekty* [Vocabulary of the Russian language with an evaluative component of meaning: systemic and functional aspects]. Smolensk.

Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moskva: Nauka.

Vol'f, E. M. (2002). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Yeditorial URSS.

Submitted: 29.10.2025

Accepted: 24.11.2025

УДК 81'373.612.2

MIGRANTS IN THE METAPHORICAL MIRROR OF GERMAN AND RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

K. V. Pologova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia
xeniapologova@gmail.com

Abstract. This paper conducts a comparative analysis of the conceptual metaphors used to frame migrants in the political media discourses of Germany and Russia. Applying the theoretical frameworks of conceptual metaphor and discourse analysis, the research examines editorial and opinion articles to analyze how migration is conceptualized. The research identifies convergent and divergent metaphorical models. While both discourses share source domains such as INNANIMATE NATURE (e.g., flood, wave, stream) and WAR to conceptualize migrants as a dehumanized, uncontrollable threat, a key divergence emerges in their culturally specific focal points. The German discourse employs the "ILLNESS" metaphor, reflecting an internal and historical trauma. Conversely, the Russian discourse predominantly utilizes metaphors of ECONOMIC BURDEN framing the issue as an external critique of Western governance, resource mismanagement, and ideological failure.

Keywords: conceptual metaphor, political discourse, migration, cross-cultural communication, Russian media, German media

Introduction

The issue of migration policy in Germany has been causing acute political debate and social tension for several years. Germany has become one of the most popular countries for immigration. According to the Federal Statistical Office of Germany (Destatis), 22.3 million people with a migration background live there [Destatis. 2022]. European migration Crisis 2015 affected many European countries, but Germany has become the country with the largest influx of refugees and illegal migrants. More than 1.2 million asylum applications were submitted in the EU member states, with Germany being the first destination country [Eurostat, 2015].

Since the beginning of the migration crisis, the main flow of refugees has been directed to Germany, and this is explained by several reasons. One of them are the economic and financial capabilities of Germany and comparatively more lenient conditions for granting political asylum in it" [Kokeev, Vasiliev, Basov, 2016, p. 16].

Presently the conflict in the Ukraine and the ongoing unrest in the Middle East are two major geopolitical issues that have greatly influenced Germany's ongoing and complicated migrant crisis. Simultaneously, comprehending this problem necessitates looking outside national boundaries. Analyzing this perception through the prism of conceptual metaphors provides a valuable methodological tool to decode this strategic narrative.

Comparing the differences and the similarities of the metaphorical construction of reality in the political discourse of different countries allows us to identify specific and national features of perception in these countries. Comparative cognitive research contributes to the effectiveness of cross-cultural interaction and understanding of the features of international political communication.

Theoretical Framework

The research of conceptual metaphor in the field of political communication has become widespread in modern linguistics [Budaev, Chudinov, 2020]. The increased interest in metaphors is due to the fact that "corpus studies of metaphors make it possible to identify structures of the "collective subconscious" that are not explicitly expressed" [Budaev, 2007, p.11]. At the same time, the metaphor is intentionally used in political communication in order to influence the addressee's worldview, being a significant tool for manipulating public consciousness in political discourse.

According to the theory of conceptual metaphor, metaphorization is based on the process of processing and interaction between knowledge structures (frame and scenario) of two mental spaces – the source domain (source sphere) and the target domain (target sphere). The knowledge presented in frames and scenarios is a generalized human experience in interacting with the outside world. The source domain is a person's physical experience or general cultural values. The target domain is what a person is currently focusing on, what he is trying to realize and understand. The conceptual metaphor involves mapping the source domain onto the target domain. It is believed that with this projection, the "cognitive topology" of the source domain is preserved in the target domain [Skrebtsova, 2011, p. 35].

As E. V. Budaev notes, "the pragmatics of cognitive metaphor in political communication is a much less developed issue than its semantics. Most studies of political metaphor are semantically oriented, and when it comes to the pragmatic dimension of the phenomenon under consideration, experts prefer to write about the pragmatic potential of metaphor, but not its pragmatic effect" [Budaev, 2006, p. 67]. As a result, the study of metaphors in terms of the inventory of the components of the structure of the metaphorical model highlights the functional aspects of their use in the media.

It is worth noting that metaphorical projection is carried out not only between individual elements of two knowledge structures, but also between entire structures of conceptual domains. From the point of view of Lakoff and Johnson, the function of conceptual metaphors is to represent complex and abstract

areas of human experience through simple and concrete entities. In their work, the authors give examples of the most common conceptual metaphors: AN ARGUMENT IS A WAR, LIFE IS A JOURNEY, A PEOPLE/SOCIETY IS A HERD, etc.

With the paradigm shift in science, language learning began to be carried out in a broader extralinguistic context. The discursive approach to the analysis of linguistic phenomena is an example of this trend. Among the works devoted to discourse, there are many different definitions and approaches to its study. Many scientists define discourse as "a complex communicative phenomenon that includes, in addition to the text, extralinguistic factors (knowledge about the world, opinions, attitudes, goals of the addressee) necessary for understanding the text" [Karaulov, Petrov, 1989, p. 8]. In the works of E.S. Kubryakova, discourse is defined as "a form of using language in real (current) time (on-line), which reflects a certain type of human social activity, is created in order to construct a special world (or its image) using its detailed linguistic description and is generally part of the process of communication between people, characterized by like every act of communication, the participants of communication, the conditions of its implementation and, of course, its goals" [Kubryakova, 2004, p. 525].

How does one deem discourse legitimate? Legitimacy is a social and political assessment of the power dynamics or claims that a discourse upholds rather than an inherent characteristic of discourse itself. In his work David Beetham offers a three-level context-dependent framework for legitimacy that includes the following aspects:

First. Conformity to Established Rules: The conversation must follow formal guidelines (e.g. the unofficial rules of the game, legal or constitutional regulations, democratic principles of representation).

Second. Justifiability by Shared Beliefs: The rules must be justified in light of the normative expectations shared values and beliefs of the public and the powerful.

Third. Consent must be demonstrated by concrete evidence (e. g. A g. votes public support) that the subordinate party agrees to the particular power relationship being upheld [Beetham, 2013, p. 16].

Consequently, if a discourse successfully negotiates these three levels and frames its arguments within established norms common beliefs and proven public consent it is considered legitimate.

Pierre Bourdieu posits that the power — and thus the social legitimacy — of a political discourse “depends less on its intrinsic properties than on the mobilizing power it exercises.” [Bourdieu, 1991, p. 188]. Therefore, a discourse is legitimized not by its factual correctness or logical coherence in a vacuum, but by its capacity to be “recognized by a numerous and powerful group.” [Bourdieu, 1991, p. 188].

In our study, we decided to use editorials and opinion articles in the most popular media as they constitute the primary public arena where the struggle for legitimate discourse is at most explicit. These genres are not merely informative; they are the key instruments to understanding how political and media actors strategically construct and impose a vision of social reality to influence public opinion. Through conceptual metaphors editorials and op-eds actively perform the "double game" of politics: they externally legitimize positions by aligning them with shared beliefs and democratic rules, while internally advancing specific power interests within the national or geopolitical field. By analyzing these texts, we directly examine how symbolic power is exercised to define what is considered a legitimate interpretation of migration in competing media systems.

Methodology

The cognitive-discursive approach to the study of metaphorical models has become the main postulate of modern cognitive linguistics (N. D. Arutyunova, A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov, E. S. Kubryakova, etc.).

A. P. Chudinov points out that the analysis of metaphorical models should take place "in discourse, in close relationship with the conditions of their origin and functioning, taking into account the author's intentions and pragmatic characteristics, against a broad socio-political background" [Chudinov, 2003, p. 69]. The author also reveals the concept of a metaphorical model, which is defined as "an existing and/or emerging scheme of communication between conceptual spheres in the minds of native speakers, which can be represented by a certain formula: "X is Y" [Chudinov, 2003, p. 70].

This work uses the theory of metaphorical modeling, which is being developed by Russian researchers based on the theory of conceptual metaphor (Yu. D. Apresyan, A. P. Chudinov, I. A. Sternin, etc.), research on the regularity of semantic transformations (V. G. Gak, O. P. Ermakova, E. I. Shegal, etc.), analysis of political discourse (A. N. Baranov, Y. N. Karaulov, A. P. Chudinov).

Representation of migrants in the German media

The concern of German citizens about the enormous burden that migrants impose on the social, economic, political and spiritual spheres of society finds a response on the pages of the media. The problem with the influx of migrants is a catalyst for serious conflicts within a society that splits into multiple camps. Some citizens Germany openly advocates assistance to refugees and illegal migrants, pointing to the importance of humanistic values, as well as the memory of Germany's historical responsibility after World War II. Migrants are victims of wars, dictatorships and climate disasters, which gives them the right to be protected by stronger powers with a high level of well-being. In addition to the principles of mercy and universal justice, leftist political leaders often remind citizens of the economic benefits of migration power and the possibility of using it productively.

Other groups, however, perceive migrants as a threat to their country's national identity and security. Proponents of this view very often appeal to the in-

crease in theft and street crime. In Germany, these views are gaining great popularity, which contributes to the growth of support for far-right parties. Regardless of the position of the authors of political texts, migrants are presented as "strangers".

On the pages of the media, this situation is aggravated by further polarizing the political reality. Liberal publications like Taz and Die Zeit focuses readers' attention on successful integration stories and transitions from "strangers" to "their own". Conservative media outlets, namely Bild and Junge Freiheit, focus recipients' attention in their publications on the crimes of migrants and the "overload" of the system, which cannot withstand the influx of "outsiders." To create these images, journalists often resort to metaphors with source spheres. «Krieg», «Krankheit», «Unbelebte Natur».

Military metaphors are a productive mechanism for conceptualizing "strangers, including migrants. Politicians are increasingly speaking about migrants with hostility. The representation of refugees and illegal migrants who come to the country is realized using the image of the "enemy". For example:

Immer mehr Politiker sprechen immer feindseliger über Flucht und Migration (Die Zeit. 01.29.2025).

From the first days as Federal Chancellor, Friedrich Merz instructed to impose a de facto ban on entry at all state borders. The tightening of migration policy is presented on the pages of the media as a necessary step to prevent the "occupation" of Germany by migrants. The metaphorical expression "Befreiungsschlag" (liberation strike) is presented as a breakthrough of the enemy occupation that has engulfed the country. This image works on the perception of migrants as outsiders from whom they need to escape. For example:

Von "Tageins im Amt des Bundeskanzlers an" werde er den Bundesinnenminister kraft seiner Richtlinienkompetenz anweisen, an allen Staatsgrenzen ein "faktisches Einreiseverbot" durchzusetzen. Einen »Befreiungsschlag« nannte einer aus Merz engstem Kreis die Ankündigung. (Die Zeit, 30.01.25).

Migration is presented as a threat to the free society of Germany. These images justify supporting the deportation of illegal migrants through the narrative of "protection" from the threat of the enemy. For example:

Die illegale Migration hat genau da ihren Platz: als Bedrohung einer Freientgesellschaft (Die Zeit, 30.01.25).

Metaphors of weapons are also a productive source for conceptualizing migrants on the pages of the German media. Images of "explosives" actualize in the recipient's mind the potential of migrants to "undermine" stability, security and well-being in the country. For example:

Sprengstoff, dessen Kraft selbst die deutschen sozialen Fundamente aufreißen wird. Und mit dafür sorgt, daß Wohnungen fehlen, Vergewaltigungen, Messerstechereien überhandnehmen und die Terrorgefahr steigt (Junge Freiheit, 28.04.2024).

Some believe that harsh measures and the deliberate deterioration of conditions for migrants do not reduce the flow, but only worsen problems: without language courses, migrants do not integrate, collective trauma grows without psychological help, criminalization grows without control, etc. The authors of political texts criticize the approach "let them feel bad – then they will stop coming" and compare it with something that poisons society. For example:

Es gibt zu wenig Sprachschulen, zu wenig Psychologen mit entsprechenden Sprachkenntnissen, zu wenig Stellen in den Ausländerbehörden, zu wenig Polizisten und zu wenig Gefängniszellen. An dieser Stelle mischt sich die verleugnete Migrationserfahrung mit dem toxischen Abschreckungsgedanken: Je weniger wir für sie tun, desto weniger kommen. Nein, es ist umgekehrt, wer zu wenig tut, verschenkt die vielen Chancen der Einwanderung (Die Zeit, 30.01.25).

The use of metaphors with the source domain "INANIMATE NATURE" is a productive source for conceptualizing migrants in the linguistic picture of the world. The metaphors included in this source domain are traditional for human consciousness, as they are "associated with the archetypal perception of the world" [Chudinov, 2001, p. 145]. In O. Santa Ana's study of the metaphorical representation of migration from Latin America in the US media, the author shows how metaphors from the source domain "INANIMATE NATURE" bring pejorative meanings to the conceptualization of migrants by comparing them to natural disaster that struck America [Santa Ana, 2002]. Migrants are presented in the media as an unexpected and uncontrollable disaster, such as a flood or a wave.

Conceptualization of migrants as a "stream" is a mechanism for creating an image of "uncontrollability" and the association of migrants with a natural phenomenon. The feeling of uncontrolled mass movement of people is compared to a storm. This meaning also carries the passivity of the mass of migrants themselves. The authors note that after the improvement of conditions in their country, migrants do not return back, that is, there is no phenomenon of a "return flow to their homeland." This fact is criticized by the authors of political texts. For example:

Von einem Flüchtlingsstrom zurück nach Syrien kann man hier bislang nicht sprechen (Welt, 12/12/2024).

Metaphors of impending disaster serve the function of dramatizing the entire process. These images also contribute to the dehumanization of migrants and turn them into a faceless mass. For example:

Elf Monate ist es nun her, seit ich diese Szenen zwischen dem kleinen tunesischen Mellouleche und der Hafenstadt Sfax erstmals beobachten konnte. Noch nicht ahnend, daß sich hier einer der größten Ströme von Einwanderern nach Europa zusammenbraut, der sich wenige Monate später auf Lampedusa entladen sollte. Das Donnerrollen der Migrationskrise (Junge Freiheit, 28.04.2024).

These metaphors not only relieve politicians of responsibility: if migration is a "storm", then it cannot be managed. Images of inanimate nature also simplify the complexity of the migration phenomenon itself, obscuring the real causes of migration, namely war and the economy.

An analysis of the political media discourse of Germany allows us to conclude that the problem of migration is a polarizing issue in modern Germany, which has a significant impact on the political and social sphere. The problem of migration policy is always in the German information field, which leads to a large number of metaphorical models that are used to describe migrants.

Despite the deep ideological differences between the various political agents involved in the political debate, the metaphorical representation of migrants as "strangers" remains unchanged. Regardless of the media and the values it positions, migrants are identified as a separate, "alien" social group using the metaphors of the source spheres "Krieg", "Krankheit" and "Unbelebte Natur", which either needs to be helped to integrate or restricted from entering the country.

Representation of migrants in the Russian media

Migration in Europe is a substantial and constantly relevant subject in the Russian media and political agenda. The framing of migration crises in Germany and the EU serves as a tool to question liberal governance models, multiculturalism's viability, and social fragmentation combined with the loss of sovereignty in Europe. This forms part of a broader geopolitical narrative of Western decline and internal contradiction, which is a typical characteristic of state-aligned and conservative Russian commentary. As the analysis of the editorial materials shows, there are certain conceptual metaphors in framing migration in Germany. The German internally-focused and more polemical discourse contrasts with the dual nature of the Russian narrative: to speak of European governance while being able to address home sensibilities through a foreign lens. The most prevalent metaphor in the Russian materials conceptualizes migration as a "force of nature". For example:

"Столкнувшись с наплывом переселенцев, Германия закусила губу." (01/11/25, «Парадоксы миграции...», Игорь Гашков (ТАСС)).

"В Германии ХДС, представителем которого является Мерц, часто обвиняют в наплыве нелегальных мигрантов. По последним опросам общественного мнения, только 22% немцев довольны его работой на посту главы правительства." (21/12/25, «"Проваливай". Мерца освистали на церемонии памяти жертв атаки на рынке...», Редакция сайта ТАСС (ТАСС)).

"Воспоминания о волнах 2015–2016 годов (сирийцы) и 2022-го (первые украинцы) породили запрос на ответные меры (01/11/25, «Парадоксы миграции: почему в Германии сирийским беженцам рады больше, чем украинским?»), Игорь Гашков (ТАСС)).

Other metaphors include the following terms "наплыв" (flood), "волны" (waves), and "поток" (stream). These terms dehumanize migrants and turn them from individual human beings into an undifferentiated, passive mass that is subjected to external forces. They convey that the phenomenon is uncontrollable and is of the same class as a flood or a storm. Such images underline the criticism of the leadership of Europe, specifically Germany, whose foolishness consists of trying to manage a flood rather than preventing its source.

The following productive source domain is "Economy" which frames migrants as a burden. Conceptualization of migrants as a load, pressure or burden supports the idea of Europe being "overburdened", indirectly questioning the sustainability of the European socio-economic model. For example:

"По его словам, это привело к перегрузке в городах, общинах, на рынке жилья, в детских садах, школах и в системе здравоохранения (28/10/25, «Границы без замков: почему Европа не решает миграционный вопрос», Редакция ТАСС).

"Прибытие украинцев означает рост нагрузки на бюджет (01/11/25, «Парадоксы миграции: почему в Германии сирийским беженцам рады больше, чем украинским?», Игорь Гашков (ТАСС)).

"В связи с этим мы наблюдаем перегрузку в городах и в системе здравоохранения", - добавил он" (26/10/25, «Глава МВД ФРГ заявил, что мигранты изменили облик немецких городов», Редакция ТАСС).

«Нелегальные мигранты — это балласт, который тянет европейский корабль социального государства на дно» (22.11.25, «В Германии украинцев призвали искать работу», Андрей Хромов, Газета.ru).

This source domain "Instrument" also proves its productivity in relation to migrant in the Russian media discourse. Such metaphors are clearly dehumanizing. The migrants reduced to an entity. The authors criticize either the inefficient use of this "demographic resource" (low employment levels) or the dependency upon this "resource" as indicative of the weakness of the civilization of Europe. Such images imply that the migrant constitutes a "demographic instrument/resource" for solving the "youth problem" of an aging population within Europe. For example:

"В такой ситуации мигранты — единственный возможный способ воспроизводства населения." ((28/10/25, «Границы без замков: почему Европа не решает миграционный вопрос», Артем Соколов (цитата в материале ТАСС))

"Миграция может быть эффективным инструментом экономического роста и компенсации низкой рождаемости." (08/10/25, "«Потери будут считать в миллионах». Европе озвучили страшный прогноз", Андрей Коротаев (цитата в материале РИА Новости).

Military metaphors are a great tool for journalists to present migrants from Ukraine or Middle East as not just a problem or burden, but a catalyst for a deep internal conflict and a possibility for collapse.

"Так недолго и оказаться между молотом и наковальней: украинцам в Европе может стать жарко." (01/11/25 «Парадоксы миграции: почему в Германии сирийским беженцам рады больше, чем украинским?», Игорь Гашков (ТАСС))

The expression "between a hammer and an anvil" shows that Ukrainians are caught up within an irreconcilable conflict between the host society and their homeland, which makes this situation difficult and dangerous for both parties. More generally, it represents the internal divide that immigration introduces within Europe and especially Germany.

The usage of such terms as "civil war" make the immigration conflict more acute, painting a picture of Europe on the brink of collapse due to its own failed policies. For example:

"Германия идет к гражданской войне?" (28/10/25, «Границы без замков: почему Европа не решает миграционный вопрос», Редакция ТАСС).

The analyzed examples put forward a very distinctive pattern of deeming migrants as the "other" through images of uncontrolled natural disasters, economic burden or war. Metaphors do not only describe but also dehumanize and oversimplify the complex phenomenon of migration in Germany, promoting the idea of European failure at taking on the role of Russian enemy in the current geopolitical environment.

Conclusion

The analysis of conceptual representation of migrants in the German and Russian media reveals not only differences and similarities in metaphorical usage, but also deep discrepancies in culturally determined cognitive models of perception of social reality and strategies for its discursive construction. This comparative research allows us to understand how similar events are viewed through the lens of national narratives, cultures and geopolitical positions.

The usage of similar source domains in both German and Russian discourses confirms the universality of conceptualizing complex social events. In both cultures archetypical metaphors of inanimate nature, which present migrants as "uncontrollable flow" are actively involved in understanding migration.

Military metaphors prove to be productive in discourses of both countries which underlines a similar tendency for dramatization of the situation. The prevalence of conceptual metaphors of these source spheres in the conceptualization of "strangers" in the media of both countries is due to their significant pragmatic potential, expressive pejorative assessment and negative connotations. The characteristics of military actions and conflicts and dehumanized and uncontrollable

natural events are in demand when conceptualizing opponents, enemies, and threatening social groups.

The source domains which differ in discourses are “Illness” and “Economy burden” for Germany and Russia respectively. The difference in domains used for interpreting migration stems from their distinctive discursive purposes, extralinguistic aspects and cultural contexts. The German conflict regarding migration is an internal struggle over national identity and historical guilt. In this context the illness metaphor of a sick body politic reflects a historical trauma and characterizes a problem that needs a quick solution to heal the “organism”. In contrast, Russian narrative is an external and geopolitical critique. The images of economical decline of Europe and Germany at its heart are further reinforced by the pragmatic metaphors of overloaded system which is going to collapse because of poor political decisions. Conceptualizing migrants as a “load” and “burden” questions the Germany’s resource management and the correctness of liberal ideology, legitimizing Russia’s own model of sovereignty and control as more stable and rational.

References

- Beetham, D. (2013). *The Legitimation of Power*. London: Bloomsbury.
- Bourdieu, P. (1991). *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.
- Budaev, E. V. (2006). «Mogut li metafory ubivat'?:»: pragmaticeskij aspekt politicheskoi metafory [Can metaphors kill?: The pragmatic aspects of political metaphors]. *Politicheskaya lingvistika*, 20, 67–75.
- Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2020). Politicheskaya metaforologiya na sovremennom etape razvitiya (2010–2019 gg.) [Political metaphorology at the present stage of development (2010–2019)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 56–70.
- Budaev, E.V. (2007). *Postsovetskaia deistvitel'nost' v metaforakh rossiiskoi i britanskoi pressy* [Post-Soviet Reality in Metaphors of the Russian and British Press]. Nizhnii Tagil: NTGSPI.
- Chudinov, A.P. (2001). *Rossia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991 – 2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991 – 2000)]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Destatis. Press release No. 162 of 12 April 2022. Retrieved from https://www.destatis.de/EN/Press/2022/04/PE22_162_125.html
- Eurostat. Asylum applicants in the EU. Retrieved from https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Asylum_applications_-_annual_statistics
- Karaulov, Yu. N., & Petrov, V. V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoi teorii diskursa [From Text Grammar to Cognitive Discourse Theory]. In

T.A. van Dijk, *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia*: Sbornik rabot (pp. 5–11). Moscow: Progress.

Kokeev, A.M., Vasiliev, V.I., & Basov F. A. (2016). Germaniia [Germany]. In N. K. Arbatova, A. M. Kokeev (Eds.), *ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran* (pp. 16–22). Moscow: IMEMO RAN.

Kubriakova, E.S. (1994). Nachal'nye etapy stanovleniia kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaia nauka [The Initial Stages of Cognitivism Formation: Linguistics – Psychology – Cognitive Science]. *Voprosy iazykoznanii*, 4, 3–15.

Kubriakova, E.S. (2004). *Iazyk i znanie: Na puti polucheniiia znaniia o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Cognition of the World]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Kuhn, T.S. (2009). *Struktura nauchnykh revoliutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST. (Original work published 1962)

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

Santa Ana, O. (2002). *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. University of Texas Press.

Skrebtsova, T.G. (2011). *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.

Submitted: 22.10.2025

Accepted: 29.11.2025

МИГРАНТЫ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РОССИЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

К. В. Пологова

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
xeniapologova@gmail.com

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный анализ концептуальных метафор, используемых для осмысления мигрантов в политическом медиадискурсе Германии и России. Применяя теоретические основы концептуальной метафоры и дискурс-анализа, исследование рассматривает редакционные статьи и материалы аналитического харак-

тера, чтобы проанализировать, как концептуализируется миграция. Исследование выявляет как сходные, так и различные метафорические модели. В то время как оба дискурса используют общие исходные домены, такие как «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» (например, «потоп», «волна», «поток») и ВОЙНА, чтобы представлять мигрантов как обезличенную, неконтролируемую угрозу, ключевое различие проявляется в их культурно-специфичных точках фокуса. Немецкий дискурс использует метафору «БОЛЕЗНЬ», отражающую внутреннюю и историческую травму. Напротив, в российском дискурсе преобладают метафоры со сферой-источником «ЭКОНОМИКА», представляющие проблему как внешнюю критику западного управления, неэффективного распределения ресурсов и идеологического провала.

Ключевые слова: концептуальная метафора, политический дискурс, миграция, кросс-культурная коммуникация, СМИ России, СМИ ФРГ.

Список литературы

Будаев, Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафористики / Э. В. Будаев. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 67–75.

Будаев, Э. В. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 ГГ.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 56–70.

Будаев, Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы / Э. В. Будаев. – Нижний Тагил : НТГСПИ, 2007. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. – Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / пер. с англ. ; сост. В. В. Петрова ; под ред. Т. А. ван Дейка. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 5–11.

Кокеев, А. М. Германия / А. М. Кокеев, В. И. Васильев, Ф. А. Басов. – Текст : непосредственный // ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран / под ред. Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева. – Москва : ИМЭМО РАН, 2016. – С. 16–22.

Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 3–15.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.

Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

Beetham, D. The Legitimation of Power / D. Beetham. – London : Bloomsbury, 2013. – 301 p. – Текст : непосредственный.

Bourdieu, P. (1991). Language and Symbolic Power (J.B. Thompson, Ed.; G. Raymond & M. Adamson, Trans.). Cambridge: Polity Press.

Destatis. Press release No. 162 of 12 April 2022. Retrieved from https://www.destatis.de/EN/Press/2022/04/PE22_162_125.html

Eurostat. Asylum applicants in the EU. – Текст : электронный // Eurostat : [official site]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/news/themes-in-the-spotlight/asylum2015> (дата обращения: 13.11.2021).

Kuhn, T. S. The Structure of Scientific Revolutions / T. S. Kuhn. – 50th Anniversary Edition. – Chicago : The University of Chicago Press, 2012. – 264 p. – Текст : непосредственный.

Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p. – Текст : непосредственный.

Santa Ana, O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse / O. Santa Ana ; foreword by J. R. Feagin. – Austin : University of Texas Press, 2002. – 402 p. – Текст : непосредственный.

Получена: 22.10.2025

Принята: 29.11.2025

Информация для авторов

Правила предоставления рукописей

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов в области истории и филологии.

К рассмотрению принимаются статьи, представляемые к публикации впервые, не опубликованные ранее и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Статья должна содержать результаты выполненного авторами самостоятельно оригинального исследования, характеризующиеся отчетливой научной новизной, актуальностью, теоретической и практической значимостью.

Все статьи проходят проверку на плагиат.

Редакция принимает материалы объемом от 20 до 40 тыс. знаков с пробелами (1 авт. л.). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов — до 8 тыс. знаков. По согласованию с редакцией журнала объем текста может быть увеличен.

В редакцию высылаются:

1. Файл с текстом статьи (именуется «Фамилия_первые слова названия статьи»).

2. Файл «Фамилия_данные об авторе», в которой помещается следующая информация:

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Официальное наименование места работы, должность, учёная степень, учёное звание автора.
- Контактная информация (служебный адрес с почтовым индексом, номер телефона, электронная почта).
- Название статьи.

3. Подписанный текст согласия (сканированная копия) на опубликование в открытой печати текста статьи и индивидуальных сведений автора (авторов). Образец бланка согласия представлен в Приложении 2.

4. Для работ авторов, не имеющих ученой степени, требуется рекомендация научного руководителя или рекомендация кандидата/доктора наук по специальности статьи в виде сканированного текста с подписью и контактными данными. Файл именуется «Фамилия_Рекомендация».

Тексты высылаются в форматах .doc, .docx, .rtf. Электронные версии рисунков (в форматах .bmp, .png, .jpg, .tif) высылаются отдельными пронумерованными файлами (названия файлов: «рис. 1.», «рис. 2» и т.д.).

Адрес для отправки материалов по электронной почте: uzntgspi@yandex.ru

Статьи, оформленные с нарушением требований журнала, возвращаются авторам на доработку.

Требования к оформлению статей в журнале «Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология»

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см, левое и правое — 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14. Интервал одинарный, абзацный отступ 1 см.

Ссылки оформляются согласно ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Например: [Иванов, 1999, с. 56], [Теория метафоры, 1990, с. 67], [Лакофф, 2001; Чудинов, 2001].

В лингвистических статьях иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом. Толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’. Ссылка на источник приводимого иллюстративного материала дается после примера в круглых скобках (внутритекстовая ссылка): *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Новая газета. 2007. № 7).

Источники оформляются в виде нумерованного списка литературы в алфавитном порядке. Библиографические записи в списке литературы оформляются согласно ГОСТ 7.80-2000 «Библиографическая запись. Заголовок», ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы

Книги одного автора

Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 151 с. – Текст : непосредственный.

Книги двух авторов

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.

Книги трех авторов

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Дрофа, 2000. – 288 с. – Текст : непосредственный.

Книги четырех авторов

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

Книги пяти и более авторов

Распределенные интеллектуальные информационные системы и среды / А. Н. Швецов, А. А. Суконщиков, Д. В. Кочкин [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2017. – 196 с. – Текст : непосредственный.

Книги под заглавием

Теория метафоры : сборник научных статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации

Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кушнерук Светлана Леонидовна ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2016. – 567 с. – Текст : непосредственный.

Авторефераты диссертаций

Величковский, Б. Б. Функциональная организация рабочей памяти : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Величковский Борис Борисович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 44 с. – Текст : непосредственный.

Многотомное издание в целом

Голсуорси, Д. Сага о Форсайтах : в 2 томах. / Д. Голсуорси ; перевод с английского М. Лорие [и др.]. – Москва : Время, 2017. – Текст : непосредственный.

Статьи из журналов

Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

Вепрева, И. Т. Перегрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

Влияние психологических свойств личности на графическое воспроизведение зрительной информации / С. К. Быструшкин, О. Я. Созонова, Н. Г. Петрова [и др.]. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 136–144.

Статьи из сборников, книг

Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Москва : Издательство МГУ, 1997. – С. 276–339.

Электронные ресурсы локального доступа

Основы системного анализа и управления : учебник / О. В. Афанасьева, А. А. Клавдиев, С. В. Колесниченко, Д. А. Первухин. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Романова, Л. И. Английская грамматика : тестовый комплекс / Л. Романова. – Москва : Айрис : MagnaMedia, 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : Изображение. Устная речь : электронные.

Электронные ресурсы сетевого распространения

Яницкий, М. С. Ценностная детерминация инновационного поведения молодежи в контексте культурно-средовых различий / М. С. Яницкий. – Текст : электронный // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 34. – С. 26–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13024552> (дата обращения: 29.05.2018).

В статье приводятся данные об авторах, аннотация (100–150 слов), ключевые слова и список литературы на английском языке, оформленный согласно требованиям APA Style. На сайте <http://translit.ru/> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (последовательность действий: выбираем стандарт BGN, помещаем библиографические ссылки из русскоязычного списка в рабочее поле и нажимаем кнопку «в транслит», копируем получившийся текст). После транслитерации названия источника приводится его перевод на английский язык в квадратных скобках.

Примеры оформления библиографических записей в списке литературы на английском языке (APA Style)

Книги

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. London: Publisher.

Jones, A.F. & Wang, L. (2011). *Spectacular creatures: The Amazon rainforest* (2nd ed.). San Jose: Publisher.

Williams, S.T. (Ed.). (2015). *Referencing: A guide to citation rules*. New York: Publisher.

Глава в книге

Troy, B.N. (2015). APA citation rules. In S.T. Williams (Ed.), *A guide to citation rules* (pp. 50–95). New York: Publishers.

Статьи в журналах

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81–95.

Диссертация

Kabir, J. M. (2016). *Factors influencing customer satisfaction at a fast food hamburger chain* [Doctoral dissertation, Wilmington University].

Электронный текст

Mitchell, J.A., Thomson, M., & Coyne, R.P. (2017). *A guide to citation*. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Mitchell, J.A. (2017). Citation: Why is it so important. *Journal*, 67(2), 81-95. Retrieved from <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager>

Образец оформления статьи

УДК 811.111'42

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

А. Б. Иванов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
ivanov@gmail.com

П. Н. Петров

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
Нижний Тагил, Россия
petrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена из сферы-источника «Литература» в СМИ Великобритании (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) за последние десять лет (2010—2019). Для изучения данных прецедентных имен применялись когнитивно-дискурсивный анализ и приемы лингвокультурологического описания. Сделан вывод о том, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным источником прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров, составляющего 400 прецедентных имен). Выявлено, что британские журналисты регулярно обращаются в своих текстах к именам героев из классических произведений английской литературы. Вместе с тем показано, что ведущее место по частотности актуализации и продуктивности занимают прецедентные имена, ставшие популярными в последние десятилетия, что в первую очередь относится к героям романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере. Таким образом, анализ показал, что функционирование прецедентных имен зависит не только от когнитивных и культурных, но и от дискурсивных факторов.

Ключевые слова: прецедентное имя; прецедентные феномены; интертекстуальность; СМИ Великобритании; дискурс СМИ; литературные персонажи.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 01-234-56789.

1. Введение

Отличительной чертой современной массовой коммуникации является активное использование прецедентных имен (далее — ПИ) [Богоявленская, 2015; Будаев, 2019; Гудков, 2020; Зырянова, 2016; Нахимова, 2011]. Согласно определению В. В. Красных, ПИ — «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии

гии — референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных, 2002, с. 172].

2. Материал и методика исследования

В качестве материала для настоящего исследования послужили ...

В настоящей работе используется методика исследования ПИ, объединяемых сферой-источником «Литературные персонажи».

3. Анализ

Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст. Текст.

Таблица 1 – Название таблицы

У	А (%)	В (%)
Х	8	14,6
У	92	85,4
Всего:	100	100

Текст. Текст.

4. Заключение

Итак, наши наблюдения показывают, что сфера-источник «Литературные персонажи» является наиболее востребованным ресурсом прецедентности в СМИ Великобритании (26 % от общего корпуса примеров ПИ). Особенность функционирования ПИ из данной сферы-источника заключается в том, что...

Список литературы

Богданович, Г. Ю. Библейские мотивы как источник формирования медийного образа Крыма / Г. Ю. Богданович, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 47. – С. 8–20.

Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва : Ленанд, 2020. – 200 с. – Текст : непосредственный.

Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – Текст : непосредственный // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60–67.

Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy. – Текст : непосредственный // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252–265.

LITERARY CHARACTERS AS A SOURCE DOMAIN OF PRECEDENT NAMES IN THE UK MEDIA

A. B. Ivanov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
of the Ural State Pedagogical University
Nizhny Tagil, Russia
ivanov@gmail.com

P. N. Petrov

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
petrov@gmail.com

Abstract. The article deals with precedent names from the source domain “Literature” in the UK media (The Guardian, The Times, The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Independent) over the past ten years (2010–2019). The methods of cognitive-discourse analysis and cultural description of language were used to study the precedent names. It is concluded that the source domain “Literary characters” is the most demanded source of precedent names in the British media (26 % of the total body of examples, which is 400 precedent names). It was revealed that British journalists regularly refer to the names of characters from the classical works of English literature in their texts. At the same time, it is shown that the leading place in terms of frequency of actualization and productivity is occupied by precedent names that have become popular in recent decades and which primarily refer to the characters of J. Rowling's Harry Potter novels. Thus, the analysis showed that the functioning of precedent names depends not only on cognitive and cultural, but also on discursive factors.

Key words: precedent name; precedent phenomena; intertextuality; UK media; media discourse; literary characters.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 01-234-56789

References

Bogdanovich, G. Yu., Nakhimova, E. A., & Segal N. A. (2019). Bibleyskiye motivy kak istochnik formirovaniya mediynogo obraza Kryma [Biblical motifs as the source of the creation of media image of the Crimea]. *Yazyk i kultura*, 47, 8–20.

Budaev, E. V., & Chudinov, A. P. (2017). Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 60–67.

Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

Kennedy, V. (2000). Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. *Metaphor and Symbol*, 15, 252–265.